

В. Браввада
Сказания Стизайта

Вячеслав Бравада

Сказания Стигайта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69578548

SelfPub; 2023

Аннотация

Войдя в чертоги тьмы, заказан путь назад. Клубится всюду мрак, что не пронзает взгляд... Твой жребий брошен, путник, продолжай идти! И внемли тем словам, что лгут произойти. Не слишком доверяй этим строкам. Они венчают еще не написанную книгу, и смысл их, до времени, сокрыт. И все же здесь, у истоков грядущего цикла, им самое место. Приглашаю тебя, читатель, погрузиться в невиданный ранее мир, пусть и ненадолго сейчас. Заранее уверю лишь в одном – жалеть о потраченном времени не придется.

Вячеслав Бравада

Сказания Стигайта

Ведомый Именем

Вступление

Глава первая

Призрак прошлого

«Величие» скользило по соленым водам, без труда пересекая изумрудную поверхность моря. Нынче могучая стихия отдыхала, и в лучах раннего заката легкие волны сверкали особенно ярко. Высокие мачты, расшитые паруса и крепкие борта «Величия» упрямо спешили к своей цели – острову Рандар, на северо-восток моря Тондр. Именно туда и направлялся Хальдрик Айнос, единственный сын Хидрота Айноса, вместе со своими людьми. Высокий и статный, хотя и несколько худощавый, Хальдрик с восхищением взирал на необъятный простор водной глади. Вольные ветра бойко оведали юношеское лицо, то и дело трепля пряди густых волос. «Того дивного цвета, какой можно встретить у хмурых грозовых туч!» – так однажды о них было сказано.

– Трэнларт, скорее! Только взгляните на это!

Сын лорда обернулся к возмутителю спокойствия. Им оказался Биндур, старый знакомый Хальдрика и опытный

боец, не раз показавший себя в деле. Помимо прочего, именно он возглавлял Почетных Стражей – надежную охрану без страха и упрека. Его обычно суровое лицо, с густыми бровями и шрамом на подбородке, отчего-то выглядело встревоженным и даже слегка растерянным. Споро шагая по палубе, Биндур направлялся к трэнларту.

– В чем дело, Биндур? – Хальдрик неспешно двинулся вниз по мостику. – Нечасто увидишь тебя испуганным. И перестань величать меня так – я не потерплю, чтобы ты строил из себя лакея. Давно ли мы с тобой не друзья, служивый?

Командир стражей спрятал усмешку в пышных усах.

– Виноват, почтенный лорд! Впредь не позволю себе таких вольностей.

Подойдя ближе, Биндур призвал Хальдрика взглянуть за борт.

– Ты что же это, ничего не видел? – Он кивнул в сторону пенных вод. – Под нами только что проплыла чья-то огромная тень. Клянусь Павшим Топором, длиной она была не меньше нашего корабля!

Трэнларт с сомнением взглянул на молчаливые волны. Внезапно губы его вспомнили одно забытое слово, и Хальдрик тотчас переменился в лице.

«Быть того не может? Неужто это?..»

– Кто-нибудь еще видел... тень? – ответ Хальдрика прозвучал спокойно, но проблеск волнения отразился в голосе. Виной тому стала безумная догадка, заполонившая разум тр-

энларта.

Черты Биндура, напротив, вновь обрели былую уверенность. Даже по прошествии лет, как и с самой первой их встречи, Хальдрик не уставал удивляться железной выдержке друга.

– Едва ли, – командир стражей взглянул на моряков, занятых привычной корабельной работой. – Ловкачам на снастях своих забот хватает, им по сторонам смотреть недосуг. Не то что мне!

Издав смешок, он стукнул грозным кулаком по краю резных поручней. И глаза его, ясные как полдень, устремились на север.

– Скорей бы нам подобраться к Рандару, вот где найдет-ся для меня подходящая работенка! – воинственно протянул командир стражей, однако быстро опомнился. – Тьфу, чего это я! Как думаешь, с чем мы все-таки столкнулись? Пусть я в открытом море и впервые, но в прибрежных тавернах не раз слыхивал байки моряков об их дальних странствиях. Только сдается мне, *таких* громадин тамошние хвастуны и в мыслях не видали!

Хальдрик все раздумывал над решением: стоит ли говорить о возможной опасности, не посеет ли это страхов среди команды? Помедлив с выбором, он решил разделить свои мысли с верным другом.

– Остроумие не подводит тебя, Биндур: наш век и впрямь был избавлен от напасти этих созданий. И самый отъявлен-

ный лжец не сумел бы выдумать сей трепетный облик, ибо глазам твоим предстал один из эратханов – могучий змей о двух головах, Гроза Морей! О, старый друг, моя растерянность лишь тем немногим меньше, что я припоминаю один старый фолиант... Да-да, еще в отрочестве мне попалась одна ветхая книга, пылившаяся в темном углу семейной библиотеки. Из нее одной я узнал о племени этих чудищ, и нигде боле не встречал других упоминаний. И было там сказано, будто в прежние времена число их не поддавалось счету. Трудно поверить, но путешествия на север, сродни нашему, ранее не венчались успехом: громадные змеи яростно атаковали моряков, и с легкостью превращали крупные суда в груды обломков.

Долгие годы досаждали эратханы людям, и никто не ведал от них спасения. Но в один прекрасный день, будто повинувшись незримой воле, змеи разом прекратили свои нападки. Отныне лишь изредка показываясь над водой, они, бывало, следовали за судном по пятам, не проявляя и следа былой звериной злобы. Когда с той поры минуло еще двадцать дней, эратханы, по заверениям корабельщиков, и вовсе бесследно сгнули, открыв морские пределы Тондра торговцам и путешественникам; тогда-то и был обнаружен Рандар. Десятилетия не встречались людям эти создания, но вот, видно, настал час их возвращения. Как странно...

– Ты чересчур спокойно рассуждаешь о чудищах, Хальдрик. А ведь нам, судя по всему, грозит страшная участь! –

Биндур нахмурился и развернулся, собираясь уходить. – Я предупрежу капитана Даварта об этом... змее, пока еще не слишком поздно.

– Погоди с тревогами, командир! – Хальдрик поспешил успокоить друга. – Насколько мне известно, эратханы всегда нападали на своих жертв стаями. Появление одного змея, воистину, удивительно, но прямой опасности в себе не таит. Нет, эратхан не набросится на «Величие» без группы сородичей, больно крупная мы для него добыча. И все же... опасения не напрасны. Даварту действительно стоит сообщить об угрозе, пусть примет должные меры. И вот еще что: передай капитану, что команде лучше бы не знать об эратхане, покуда змей сам не покажется. Я останусь здесь и продолжу следить за морем.

Биндур кивнул, спросив напоследок:

– А как насчет моих воинов? Уж они-то могут знать, с чем нам предстоит столкнуться? Что бы ни случилось, мы – Почетные Стражи, и каждый из нас обязан личной клятвой, данной лорду Хидроту, оберегать твою жизнь. Я не могу (и не стану!) оставлять бойцов в неведении, покуда эта тварь таится под самым бортом «Величия». В самом деле, Хальдрик, скажи, что не станешь возражать против этого?

– Да, так будет лучше, – согласился трэнларт. – Пусть не теряют бдительности. Эратхан – существо дикое и опасное, но отнюдь не глупое. Будем надеяться, нас он обойдет стороной.

Командир стражей немедленно отправился к капитанской каюте, а Хальдрик весь свой взор устремил в прозрачные глубины. Он ничуть не сомневался в правдивости слов Биндура, ибо тот обладал отменным зрением, а некогда слыл и отличным лучником, пока не повредил левое запястье в одной из своих бесчисленных потасовок. Вскоре Хальдрик обнаружил то, что искал – едва заметное глазу движение тени на изрядной глубине. Но чем дольше юный трэнларт смотрел на смутную тень, тем отчетливее становилась та, пока наконец не обрела своих истинных очертаний. Хальдрик и сам не заметил, как затаил дыхание, и начал беспокойно оглядываться в поисках чего-либо, что могло бы послужить оружием. В то же время к нему подоспел Биндур.

– Все исполнено в точности, друг мой, – проговорил он с легкой одышкой, в три прыжка одолев лестницу. – Что это ты...

Бравый воин замер на месте, едва не рухнув вниз, изумленно глядя в сторону морских волн. Хальдрик обернулся следом, и его глазам предстала устрашающая картина: над сверкающей водной гладью показался воистину исполинский образ. Змей воззрился на судно тусклыми глазами, исполненными ярости; те немногие, кто осмеливался заглянуть в них прежде, видели свой неминуемый конец. Вслед за первой ужасной главою вынырнула и вторая, сопроводив свое появление фонтаном пенных брызг.

Застыв ненадолго над водой, чудище могучими рывками

ринулось к кораблю. Лишь неистовый голод и жажду крови ощущал эратхан в тот миг.

С появлением змея послышались первые испуганные возгласы, и на судне началась страшная сумятица, сопровождаемая выкриками Даварта. Едва вернув себе рассудок, Хальдрик помчался на капитанский мостик.

Многие корабли погрузились бы в хаос от увиденного, но «Величие» всегда равнялось на свое имя. Капитан Даварт, сохраняя терпеливое спокойствие, громким басом отдавал приказание одному моряку за другим. Умудренный опытом и слегка затронутый сединой, Даварт прославился своим бесстрашием во многих странствиях, совершенных им по всему Тондру, как и в водах юго-восточнее, до самого Моугморта. Именно его, среди многих других, нанял Хидрот Айнос, ничуть не сомневаясь в способностях умелого морехода. И вот, храброму капитану вновь предоставился случай доказать, что свою славу он стяжал не пустым хвастовством!

Когда Хальдрик подобрался к Даварту вплотную, тот прекратил нескончаемый поток приказов, перемешанных с бранью. Поклонившись, он обратился к юному Айносу, слегка охрипнув от криков:

– Трэнларт, вы подоспели вовремя! Моя команда вооружена и готова к отражению атаки, как вы того и требовали. Будут ли у вас другие указания? Если таковых не имеется, я прошу сообщить мне о любых возможных слабостях эратхана. Кем бы ни был этот зверь, складная баллиста нам приго-

дится, она вскорости будет готова. – Голос Даварта оставался по обыкновению ровным, будто он и вовсе не кричал о двуглавом морском змее, что безудержно рвался к кораблю.

– Отраднo слышать, капитан. А мне, боюсь, известно немного: чешуя эратхана крайне крепка, и даже твое чудо-орудие едва ли справится с его защитой. Стало быть, придется метить змею прямо в глаза или мягкое брюхо. Оборона корабля будет за мной. Твоей же главной задачей останется удержать судно на плаву, когда змей обрушится на нас. И большего я тебе сказать не могу.

В тот же миг по воде прокатился низкий рокот, предвещавший одно – змей уже близко! Хальдрик, не мешкая, обернулся к эратхану.

– Времени почти не осталось. Пора и мне прибавить свой гарпун к тем, что уже готовы пронзить шкуру проклятого змея. Ибо сегодня он отведаст лишь холодной стали!

Хальдрик спешно направился к правому борту, где уже собралась солидная часть моряков. Среди возникшей толпы заметно выделялся строй почетных стражей под началом Биндура. Все присутствующие крепко сжимали в руках гарпуны, чьи наконечники ало сверкали в лучах заходящего солнца; самым метким морякам были выданы арбалеты. Люди встречали напасть молча и с хмурыми лицами – их напряженные взгляды были прикованы к тому кошмару, что неумолимо приближался наяву. Тяжелые снаряды баллисты уже покоились на своих местах, и мастера-оружейни-

ки лишь ждали подходящего времени. Командир стражей быстро кивнул подоспевшему другу и перевел взгляд на чудище. Прочие же расступились перед трэнлартом, являя взору ужасающий силуэт за бортом. Тогда Хальдрик встал у самого края и воззвал к людям:

– Я знаю, что многие из вас напуганы, и в том нет ничего постыдного – лишь глупец не испытал бы страха, взглянув на такое чудище собственными глазами. Но не страшитесь напрасно! Имя этому змею – эратхан, и хотя он поистине велик, наших сил должно хватить, дабы совладать с ним. Цельтесь ему в глаза или брюхо, когда он выступит из глубин, в них его слабость. Разите только по моей команде, и ни мгновеньем раньше, всем ясно?! – и стражи, и моряки согласно кивнули. – Хорошо. Мужайтесь и готовьтесь к бою, ибо он будет не из легких!

Рев чудовища раздался снова, и дикая свирепость его пронзала душу насквозь.

Хальдрик быстро оглядел людей и убедился, что пусть страх и не покинул их, глаза многих полны решимости. Затем он сам развернулся к громадной фигуре змея и воздел руку, крепче ухватив холодное древко гарпуна. Люди Даварта и Биндура повторили его движение следом, и палуба ощетинулась сталью.

– Рано... – Проговорил Хальдрик. Тело его обратилось в тугую струну, и он старался совладать с собой, дабы не бросить гарпун до времени. Одна из змеиных глав более не

скрывалась в море, извиваясь над самой кромкой воды и слегка приоткрыв пасть, полную бритвенно-острых клыков. Перепончатый гребень, венчавший раздвоенное тело, трепыхался в такт ее резким движениям.

– Рано... – Процедил юный трэнларт сквозь зубы. Сердце его бешено колотилось, руки, казалось, вот-вот сведет судорогой. Змей все приближался, и уже отчетливо виднелась его серебристо-зеленая чешуя, что защитит хозяина лучше всякой брони.

Когда обе главы эратхана возвысились над морем, одна из них издала громоподобный рев, да такой, что несколько моряков побросали оружие и прижали ладони к ушам, не в силах стерпеть боль; вторая же изогнулась в змеином движении, готовясь сделать выпад в сторону судна.

И в тот самый миг, когда люди уже могли почувствовать смрадный запах, источаемый монстром, а Хальдрик замахнулся гарпуном и хотел было выкрикнуть команду, эратхан широко разинул свои пасти и... ринулся в морскую пучину под кораблем, едва не ударив хвостом корму «Величия».

* * *

Никто и подумать не мог о таком исходе. Люди боялись шелохнуться и застыли, подобно каменным изваяниям умелого скульптора: лица одних являли крайнее удивление – они продолжали стоять с широко раскрытыми ртами, не в

силах осознать случившегося; лица других остались с яростными гримасами и горящими глазами – так выглядят смельчаки, ловко бегущие по самому краю своей гибели, и смеющиеся смерти прямо в лицо; третьи, казалось, действительно окаменели – их серые лица будто скрывались под безучастными масками. Но тогда все люди на борту, и среди отчаянных храбрецов, и среди отчаявшихся глупцов, превыше прочих своих чувств ощущали одно – смятение.

Лишь минуту спустя экипаж судна начал возвращаться к жизни. Но и столь малое время показалось им вечностью, ибо никто не знал, чего стоит ждать в дальнейшем. Однако змей, укрывшись на глубине, не появлялся боле. С опаской поглядывая за борт, люди стали неуверенно опускать гарпуны и озираться вокруг. Они силились отыскать в окружающих лицах ответ на вопрос, задать которого никто не решался.

Быстрее прочих образумился Хальдрик. Пока змей все приближался, трэнларт не прекращал повторять себе, что одинокий эратхан не нападет на столь осанистое судно; во всяком случае, именно так он рассудил о прочитанном в книге. Но потрясение овладело и Хальдриком, ибо ветхий том гласил, что змей обнаружит себя лишь тогда, когда добыча увидит самый блеск его клыков. Писали о том немногочисленные счастливицы, коим довелось пережить встречу с эратханами, когда змеи еще владычествовали над морем. Таким людям не было нужды лгать, да они бы и не стали.

«Так что же произошло? Как разуместь этот зловещий знак? Быть может, эратхан приметил другую, не столь опасную жертву? Нет, это бессмысленно! Змей явно намеревался напасть на корабль, и даже бросил нам вызов – его громогласный рык не мог означать иного. Проклятье, голова до сих пор раскалывается из-за него! И все же...» – Мысли трэнларта метались в голове, сменяясь одна за другой, не оставляя внутри себя и подобия ясности.

Почетные Стражи медленно приблизились к Хальдрику, который старался разглядеть силуэт змея, перевесившись за борт. Тихим и напряженным голосом, Биндур обратился к нему:

– Хальдрик, ты можешь объяснить нам, что за чертовщина здесь произошла? Из морской пучины вдруг объявился огромный змей о двух головах, и стремглав бросился прямо на нас. Мало того: в тот миг, когда казалось, что от нашего славного судна одна щепка и останется, он вдруг устремился назад, в свое морское логово. Но мы видели его, Хальдрик. Видели, как и ты! Все смотрели на чешуйчатую тушу, раскрытые пасти, полные острейших зубов, что моя ладонь. А самое главное – видели его глаза. Глаза, пылавшие ненавистью и неутолимым голодом! Такое забыть невозможно! – с этими словами Биндур запнулся, кашлянул в кулак и продолжил, уже прежним своим голосом. – Есть ли у тебя какие догадки на сей счет? Лично я, мои люди, да и весь корабль, включая капитана, будь уверен, растеряны!

Хальдрик будто не услышал этих слов. Он выпрямился, да так и остался стоять без движения. Один только плащ трепетал за его спиной, повинуюсь завываниям ветра.

– Друг мой, с тобой все в порядке? – Биндур шагнул вперед и протянул руку, намереваясь похлопать трэнларта по плечу. Но Хальдрик Айнос все же отпрянул от поручней и, наконец, перевел внимание на людей, что окружили его тесным полукругом. Подоспел к ним и капитан Даварт, без конца вопрошающий моряков:

– Так, что случилось? Вы ранили змея? Молларт, есть ли пробоины в корпусе? Кто-нибудь ранен, убит? Эй, Рудвар, куда подевалась эта скользкая тварь? А ну, постой-ка! Да у вас же лица бледнее рыбьих глаз! Ответьте мне, в конце концов, в чем дело?!

– А дела наши, капитан, хороши до странного: в последний миг эратхан решил отпустить «Величие», и отправился восвояси, в свое темное обиталище, – Хальдрик выступил из кольца людей и взглянул на Даврта. – Но едва ли кто объяснит тебе, отчего он так поступил; лично мне ответ неведом. Конечно, мои познания об эратханах куда как скромны, но никто другой на корабле не похвастает бóльшими. И потому уверяю вас, мои спутники и друзья, – сегодня мы стали свидетелями могучей Воли, что бы она ни таила за собой.

От такого заявления моряки недовольно зароптали и стали чураться, каждый на свой лад, отгоняя беду. Мореплаватели слыли людьми весьма суеверными, принимая за чистую

монету напутствия и байки своих праотцов, что во многих семействах передавались из поколения в поколение. Истории те могли поведать им о приметах, сопутствующих удаче; равно как и о предзнаменованиях, сулящих беды в морских странствиях; могли рассказать и о водных духах, почитание чьих имен успокоит буйную стихию и разгонит волны во время шторма. Но именно те корабельщики, что вернутся к своим семьям после долгого плавания на борту «Величия», пополнят родовые легенды страшнейшей из них: историей о Двуглавом Змее, да таком, что запросто перекусит корабль пополам, а движениями могучего тела призовет бушующий водоворот! Немало сыновей тогда изберет для себя иной путь, страшась следовать по стопам родных отцов...

Капитан Даварт, чьи странствия по морям обошлись без единой мольбы, воззрися на Хальдрика с неподдельным удивлением и даже легкой усмешкой. Кому, как не ему, опытному мореходу, знать, что средоточие всякой воли кроется внутри человека, а силы, способные помочь в трудный час, – это храбрость да смекалка. Благодаря им одним он раз за разом одолевал сварливые бури старика Тондра! А что до удивительной помощи...

– Достопочтенный трэнларт, неужто это единственно возможное объяснение? Смею предположить, что чудище испугалось, завидев впереди десятки блестящих шипов. Подобие разума подсказало ему, сколь опасна может быть преследуемая добыча, вот он и улизнул. Иначе змей поплатился бы

за дерзость своей никчемной жизнью, сполна отведав наших гарпунов и стрел. Согласны ли вы со мной, морские волки?!

В наступивших сумерках команда «Величия» дружно загудела. Люди, все еще крепко сжимавшие в руках оружие, стали бахвалиться и взывать к змею, дабы тот вернулся и принял быструю смерть, окружив мореходов заслуженной славой. Хальдрик в ответ нахмурился, будто бы желая возразить, но передумал, и ответил примирительно:

– Быть может, ты и прав, капитан. Но сейчас это не главное, ведь опасность миновала, а курс наш, как и прежде, неизменен. Так продолжим же путь на Рандар, где вскоре все мы отведаем свежей еды и как следует отдохнем от выпавших на нашу долю трудностей! Доброй ночи.

Юный трэнларт зашагал прочь. Однако, поравнявшись с капитаном, чей голос вновь принялся раздавать поручения, тихо произнес:

– Я знаю, о чем говорю. Сегодня мы с Биндуром держим совет. Приходи в мою каюту через час, нам многое предстоит обсудить. Расставь дозорных, но не зажигай огней – эратхан может вернуться.

Даварт удивленно вскинул бровь и кивнул, не отвлекаясь от дел, после чего Хальдрик, Биндур и Почетные Стражи скрылись из глаз в сгустившейся темноте.

Глава вторая

Совет перед рассветом

Оказавшись на месте, капитан «Величия» негромко постучал в дверь. Та незамедлительно отворилась, и в проходе показался один из свиты Почетных Стражей. Окинув Даварта беглым взглядом, он отступил в сторону, дабы капитан мог войти и присоединиться к совету, являясь последним из приглашенных.

Каюта являла собой обширную комнату, освещенную мерцающим светом восковых свечей, что разместились по всем ее закуткам. Большая масляная лампа у потолка была потушена, а окна скрывались под шторами из плотной ткани. По левую сторону каюту протянулась линия тумб со множеством ящичков, переполненных картами и чертежами; среди них прятались деревянные перья и опустевшие бронзовые чернильницы. Близ книжных шкафов, правее входа, громоздилась оружейная стойка, сверкавшая гардами мечей, крепкими лбами булав и прочим оружием. В середине же комнаты незыблемо стоял овальный стол красного дерева, за которым восседали Хальдрик, Биндур и два десятка Почетных Стражей. Исключение составлял лишь тот, что неотлучно следил за дверью.

Участники совета, склонившись над потрепанными картами, о чем-то негромко спорили, когда Даварт перешагнул порог каюты. Обсуждение разом смолкло, и все взгляды обратились на вошедшего; его, впрочем, это ничуть не смути-

ло.

– Трэнларт, стражи. – Капитан поприветствовал собравшихся и занял одно из громоздких кресел, что охватывали стол. – Вы хотели видеть меня на общем совете, и вот я прибыл. Полагаю, речь здесь пойдет не только об эратхане и его странных повадках, верно?

– Так и есть, капитан. Боюсь, эта ночь окажется бессонной, ибо нам предстоит решить череду важных вопросов, пока на то еще есть время.

Хальдрик кивнул человеку у входа, и тот щелкнул дверным замком. Даварт проследил за этим движением, после чего недоуменно посмотрел на юного Айноса.

– К чему запирать дверь на моем судне, трэнларт? Неужто вы считаете, что я...

– У меня нет сомнений ни в вас, ни в вашей чести, капитан, – перебил его Хальдрик, – но я не могу сказать того же и о вашей команде. А в этой комнате будут объявлены слишком важные для всех нас решения.

– Могу вас заверить, каждый моряк на борту «Величия» подобран лично мной, и я...

– И я не изменю своего намерения, Даварт! – вспыхнул трэнларт. – Пойми, наконец: *никто*, кроме нас, не должен знать о тех вещах, что будут здесь разглашены. Потому я и созвал этот ночной совет, на который ты, между прочим, не соизволил явиться вовремя!

Повисло недоброе молчание. Прославленный мореход су-

рово смотрел на Хальдрика, постукивая пальцами левой руки по столу, тогда как правая его рука медленно опустилась к поясу. Трэнларт не отвел глаз, однако вскоре ощутил неприятный холодок в животе: взгляд капитана напомнил ему давние времена, когда он, будучи еще мальчишкой, встречал молчаливые укоры отца.

Гнетущая тишина затягивалась.

Но тут Даварт, что за деяния был прозван Смелым, сложил руки в замок, глубоко вздохнул и промолвил:

– Я капитан «Величия», юный Айнос, и впредь советую никому не забывать об этом. Но раз подобные меры необходимы, я не стану их оспаривать. Задержался ли я? Да, и вполне объяснимо: капитан судна – занятой человек, и всегда найдутся вопросы, требующие его незамедлительного вмешательства.

Взвешенный ответ Даварта поумерил недовольство собравшихся. Едва заметно кивнув капитану, Хальдрик продолжил:

– Рад, что мы поняли друг друга. Поверь, я не желал оскорбить ни тебя, ни твоих людей. Так забудем же о мелкой ссоре, и обратимся к делам действительно важным.

Напряжение, до сей поры царившее в каюте, развеялось окончательно, и Хальдрик ознаменовал совет открытым.

– Прежде всего нам должно признать – исчезновение эратхана не могло быть случайным; как, впрочем, и его внезапное появление. Итак, что мы знаем наверняка? В то вре-

мя, как люди успели позабыть об этих кошмарных змеях, один из эратханов объявился среди бела дня, намереваясь потопить «Величие». Однако, подобравшись вплотную, он бесследно исчез в морских водах, чудом не задев корабль хвостом. Что удивительно, змей не просто отпустил свою добычу, но и сделал это весьма близко к берегу. – Хальдрик указал на объемную карту, лежащую поверх многих других. – Хотя прежде эратханов встречали не ранее срединных вод Тондра, далеко за чертой рыбацких угодий. Исходя из этого, одна только мысль приходит мне на ум, но о ней я уже упоминал: та самая Воля, что некогда избавила наш род от порождений глубинной тьмы, решила натравить эратхана на «Величие». Не стоит оставлять такой знак без внимания, что бы он ни значил.

– А как насчет простой воли случая? Нелепой шуточки судьбы? – поспешил вклиниться Даварт. – Какая надобность привлекать высшие силы для разъяснения пусть не самых понятных, но все же вероятных событий? В конце концов, речь идет всего лишь о морской твари, пускай и величайшей из подобных ей.

– Догадка, конечно, стоящая, вот только лишена оснований – с какой стати эратхану нападать одному, да еще и вблизи от берега, на судно нашего размера? Истины, вероятно, нам не суждено достичь, но в одном я не сомневаюсь: морские змеи гораздо разумнее, чем может показаться на первый взгляд, так что не стоит их недооценивать, – многие

сотни людей уже поплатились за свое пренебрежение. – Капитан «Величия» поскреб подбородок и воззрился на карты острова, когда трэнларт обратился к остальным. – Кто-нибудь еще желает поделиться мыслями? Биндур?

– Я полон сомнений, Хальдрик, – командир стражей развел руками. – Догадки мои нелепы и не нуждаются в оглашении. Но одного из нас и впрямь стоит выслушать. Что скажешь, Тальмир?

Почетный Страж, откликнувшийся на имя, имел не менее суровые черты лица, однако в росте и телосложении заметно уступал своему командиру. Будучи правой рукой Биндура, Тальмир обладал гибким умом и слыл хорошим тактиком, порой побеждая не силой, но хитростью. Только на сей раз и ему не нашлось чем ответить, – подобно Даварту, он уповал на удивительный случай, хотя и отметил одну особенность:

– Перед тем, как эратхан скрылся в пучине, я мельком заглянул в его страшные глаза. Удивительно, но прежний их бледный цвет сменился иссиня-черным, будто бы темная пелена застила змеиный взор. Я наблюдал это самый краткий миг, и вспомнил только сейчас, когда речь зашла о неведомой Воле.

С этими словами он выпрямился и произвел несколько странных движений: двумя сомкнутыми пальцами правой руки дотронулся до левого виска, провел ими дугу по лбу до переносицы, затем развел пальцы к уголкам глаз, откуда провел ими еще раз, уже к основанию подбородка; вновь со-

единив оба пальца, он сжал ладонь в кулак, после чего резко отдернул руку вниз, растопыбив пальцы. Во время этих действий глаза Тальмира были закрыты, и лишь с последним своим движением он поднял веки. Подобный обряд Хальдрик наблюдал впервые, но расспрашивать Почетного Стража о нем не стал, потому как никто другой не выглядел хоть сколько-нибудь удивленным.

– Вот как?! Странно, что я этого не заметил. Если так оно и было, и змей не наделен третьим веком, мой домысел лишь прибавляет в силе. В заметках уцелевших я не встречал описаний подобного, да и припомнишь ли этакий пустяк, когда пережил схватку с самим эратханом? Но ответ мне, Тальмир: ты и впрямь настолько веришь себе, подтверждая виденное без сомнений, или допускаешь, что в спешке верный глаз мог и подвести?

– Я не откажусь от своих слов, ибо видел то, что видел, – упрямо возразил страж. – Клянусь Павшим Топором, я стоял возле самого борта, когда встретился взглядом с этим созданием! Изменился только цвет глаз, тогда как сами они остались гладкими и блестящими. Черным жемчугом запомнились мне они, и отныне уже не уйдут из памяти.

Выслушав ответ, Хальдрик оперся руками о край стола и крепко задумался. Биндур поочередно встретился глазами с каждым из своих людей, но те лишь молча качали головами. А капитан «Величия» меж тем все усерднее погружался в изучение карт побережья, прикидывая в уме что-то свое.

Когда трэнларт очнулся от терзавших его мыслей, многие тени в комнате стали острее.

– Похоже, друзья, наше обсуждение зашло в тупик. Наблюдение Тальмира меня всерьез озадачило, но оно не может сыграть большой роли: мореходы давних дней распознали, что эратханы куда охотнее полагаются на свое чутье, нежели на зрение. Вероятно, и наш корабль змей учуял раньше, чем смог бы увидеть. Вот только все, что было сказано, не объясняет главного – почему он решил напасть? Тем паче – почему скрылся в последний миг? А раз так, предлагаю закрыть этот вопрос, и понадеяться на то, что эратхан не станет докучать нам более ни видом своим, ни делом.

Участникам совета не оставалось иного, кроме как согласиться с таким положением вещей. Однако с десяток угрюмых лиц являли собой наглядное воплощение всеобщего настроения. Покончив с картами, слово взял Даварт:

– Что же, пусть так, одной заботой меньше. Теперь хотелось бы узнать об истинной цели нашего плавания на Рандар. – Капитан «Величия» чуть заметно улыбнулся, наблюдая вопрошающие взгляды. – Да, именно. С самого начала я усомнился в правдивости «торговой сделки», лорд Хидрот твердил о ней чересчур настойчиво. Поглядев же на здешние карты, разувериться в его просьбе труда не составило. Я весь внимание, трэнларт!

– Признаться, я поражен, – смутился Хальдрик. – Только я хотел подвести к этому, а ваша проницательность опередила

сами мои мысли. И раз таить больше нечего, Биндур, будь добр...

– С превеликим удовольствием!

Предводитель стражей до того воодушевился, будто бы уже ступил на пропитанную солью пристань, и его рвение невольно охватило окружающих. Крупная тень нависла над столом, когда Биндур поднялся и заговорил весомым басом:

– Не так давно лорду Хидроту стало известно, что на Рандаре обосновалась серьезная злодейская шайка. Известная, во главе прочего, своей необычайной скрытностью и прытью. Сказать по правде, и шайка для них – прозвище мелковатое... Ух, отродья... Как ни назови, хуже не станут, столько крови людям перепортили, подонки! И сказать бы, в каком краю лютуют, да темный их след по всему Алограту тянется, куда ни взгляни! А величают себя благородно – «Крылатые Клинки», подумать только!

Почетные Стражи одобрительно загудели, а один из них громко добавил:

– Вот-вот, на это все головорезы горазды. Так и норовят обозваться погромче: и людей простых запугают, и молву о себе распустият, скоты!

– Хорошо сказано, Удрин, но вернемся к сути. Главная наша задача – отыскать потайное логово, а вместе с ним и тех, кто ответственен за злодеяния Клинков. После тщательной подготовки останется лишь настичь мерзавцев и подвергнуть их... *справедливому суду.*

Последние слова Биндура были сказаны со столь явным негодованием, что не оставалось сомнений, какой именно справедливости он желает скрытным рядам негодяев.

– А ежели дела наши пойдут скверно, так мы, раздобыв побольше сведений, отправим тревожную весточку и затаимся до поры. Вскоре к нам подоспеет серьезная подмога, и вот тут-то мы их точно прихлопнем! – Командир стражей грохнул ладонью по столу и коротко рассмеялся; Хальдрику, однако, было не до веселья.

– Звучит это, конечно, здорово, друг мой, но не стоит забывать, с кем нам предстоит столкнуться. Крылатые Клинки не кто иные, как опытные убийцы, искусные мастера своего дела. Вот уже третий год на них ведется суровая охота, и все это время стальная хватка правосудия благополучно их упускала. Что и говорить: единственный намек, натолкнувший нас на кровавую вереницу убийств, появился не далее, как месяц тому назад!

Все благодаря одному человеку (я, пожалуй, не стану раскрывать его имени), что верой и правдой служит моему отцу. Последние шесть лет он жил на Рандаре, и этого времени ему хватило, дабы изучить весь остров вдоль и поперек; за исключением, разумеется, неизведанных дебрей на северо-западе. Ни одно значительное событие не ускользнет от его глаз, ни один человек не заметит его присутствия, если он сам того не пожелает! Но лучшим из его талантов, несомненно, является способность к перевоплощениям. Даже мне,

родному сыну и наследнику, лорд Хидрот неохотно рассказывал подробности его тайного ремесла. И этих скромных знаний довольно, чтобы понять – так ловко примерять разные личины мало кто сумеет! Черета крупных заговоров на острове была раскрыта и подавлена благодаря его усилиям, хотя многие и по сей день уверены, что помощь, будь то важный намек, а то и вовсе поимка заговорщика, каждый раз приходила с новой стороны, и была будто бы нечаянной. Жду не дожусь нашей с ним встречи! Может статься, он поделится со мной своим мастерством... – Мысли юного трэн-ларта устремились вдаль, но он мигом очнулся. – Надеюсь, все вы понимаете важность этих сведений? Ведь я поведал о столь ценном союзнике лишь вам – людям, чья верность не нуждается в доказательстве, и вправе требовать молчания обо всем услышанном. По меньшей мере до тех пор, пока сам не скажу обратного.

Люди за столом сидели как громом пораженные. Еще бы: просто поверить в существование такого человека было не так-то просто. Почетные Стражи, что слышали про подавление мятежей из уст рандарцев, причем в совершенно ином свете, задумчиво потирали лбы. Капитан Даварт вдруг сильно побледнел и замер сам не свой.

– Вот оно что... – Одними губами произнес капитан корабля, склонившись над столом, и на мгновение его лицо искажилось в странной гримасе. Скрипнув зубами, он поднял взгляд и продолжил уже в полный голос. – Занятные же лю-

ди находятся на службе вашего отца, трэнларт, весьма занятные. Но, если вы закончили, хотелось бы знать свою роль в днях грядущих. Чем я и моя команда можем быть полезны?

– Думаешь, я не заметил этот проблеск злости, капитан? – настороженно спросил Хальдрик. – К чему бы он?

Ответ последовал не сразу.

– Не сто́ит беречь старые раны бывалого странника, почтенный трэнларт; право слово, не сто́ит. – Даварт Смелый произнес эти слова спокойно, но таким тоном, что любые возражения отпадали сами собой. – Тем более, когда есть дела и поважнее, ведь так?

– Твоя правда, Даварт, пусть призраки прошлого останутся за тобой. А вот ваша общая помощь придется нам как нельзя кстати. Скажи, тебе ведь известно о той парусине, что мы погрузили на борт? Да, той самой. Дело в том, что мы с Биндуrom и Почетными Стражами сойдем на берег первыми, да еще и в другом обличье. Пристань, надо полагать, находится под неусыпным надзором клинков, а потому рисковать мы не вправе. Именно здесь капитан, с тобой и возникают трудности.

Так уж повелось, что слава Даварта Смелого идет впереди него самого, и если «Величие» Клинки вполне могут принять за любое другое судно, то прославленного капитана и морехода они, без сомнений, знают в лицо. Было бы странно столь известному человеку тратить время на перевозку простых купцов, коими мы предстанем для жителей Рандара, –

это может вызвать лишние подозрения. А раз так, действовать будем осторожнее: после нашей спорой высадки, вы с командой направитесь к небольшому мысу (он хорошо показан на этой карте), скрытому от посторонних глаз, где и бросите якорь на день-другой. Этого времени хватит, дабы вам успеть сменить паруса и перевести дух, а Клинкам – дабы упустить вас из вида. Таков наш замысел.

Капитан Даварт сдвинул брови и застучал пальцами по столу.

– Вы просите о многом, трэнларт. Мы с моей командой бороздим морские просторы никак не меньше полугода, исполняя волю именитых вельмож и богатейших торговцев, не зная вкусной еды и спокойного сна. Наши запасы на исходе, а моим людям не терпится ступить на землю и вдоволь отдохнуть... Впрочем, все это неважно. Раз придется пойти на эту уловку, так тому и быть, я уговорю парней задержаться. Мы прибудем через два дня, но что дальше?

– Хорошо. Мы тем временем разместимся в прибрежной таверне... Биндур, как там она зовется? Да, точно, «Водоворот». Так вот: расположившись в таверне, мы выкупим места для торговли на главной площади города. Часть почетных стражей и впрямь займется торговым делом, тогда как мы с Биндуrom и остальными начнем, будто невзначай, расспрашивать местный народ. Преуспеем мы в этом или нет – не столь важно. В свою очередь тебе, капитан, предстоит задача не из легких.

– Что бы то ни было, я в вашем распоряжении, трэнларт! – твердо отчеканил Даварт.

– К тому времени, как «Величие» сменит паруса и останется гостить у причалов Рандара, «тайный союзник» уже найдет способ связаться с нами. Ну а после, хочешь ты того или нет, придется наведаться к нему лично нам, двоим, потому как...

Капитан Даварт в ярости вскочил с кресла, опрокинув его с тяжелым стуком. С нескрываемой яростью, перекосившей извечно спокойное лицо, он ткнул пальцем в сторону Хальдрика и прорычал:

– Не смей так просто говорить об этом, мальчишка! У тебя нет власти, дабы заставить меня согласиться на подобное!

Почетные Стражи действовали стремительно, и первым среди них оказался Биндур. Но куда меч умелого воина покинул ножны лишь наполовину, капитан «Величия» уже успел откинуть голову ближайшего к себе стража, сверкнув лезвием узорного кинжала, – Даварт не привык оставаться безоружным, и неизменно носил короткий клинок у себя за поясом. Тут Хальдрик резко махнул рукой, но капитан корабля, в безумстве своем, даже не заметил этого. Удивительно ровным голосом, в котором не слышалось и намека на угрозу, он промолвил:

– Оставайтесь на своих местах, и тогда никто не пострадает. У меня нет склонности убивать собственных нанимателей.

– Ты все еще жив, – с нажимом произнес Биндур, гневно взирая на капитана, – лишь благодаря Хальдрику, опередившему наше рвение! Да только не нас он удержал своим жестом, а того, кто стоит прямо за твоей спиной!

В тот же миг Даварт Смелый почувствовал, как острая сталь немилосердно впиалась ему под ребра.

«Ах, караульный у входа! О нем-то я позабыл...»

– И сколь дорог бы для нас ни был Старналь, жизнь которого и сейчас под угрозой, твоя кровь, Даварт, пролилась бы ровно тогда, когда ты извлек свой кинжал! Старналь знает об этом не хуже нашего.

Почетный Страж непременно кивнул бы в ответ, будь у него такая возможность.

– Так и есть, – холодно произнес сын лорда, медленно поднимаясь с кресла и не спуская глаз с Даварта.

Взгляд капитана обошел всех Почетных Стражей, одного за другим, покуда не замер на лице трэнларта.

– Теперь сложи оружие, иначе родные земли будешь встречать в кандалах. Вот тогда-то ты отдохнешь от своих странствий всласть, будь уверен! А может считаешь, что и это не в моей власти?!

Плечи опытного морехода поникли, и он отдернул руку с кинжалом, получив вдогонку негромкие ругательства Старналя; взгляд же его остался непоколебим.

– Признаю, я погорячился... да только неспроста, и прощения испрашивать не собираюсь! Что до угроз, то я в своей

жизни знавал немало властных людей, готовых заступиться за меня, если того потребуется. Так не прельщайся властью, юный Айнос, куда она не твоя! – с этими словами капитан судна шумно выдохнул и перевел дыхание; вернувшись к разговору, Даварт не сумел скрыть своего потрясения. – Поймите же, трэнларт! Как ни печально сознавать, у меня с вашим «союзником» старые счеты, никого другого не касающиеся. И буде доведется мне встретиться с ним лицом к лицу, я не возьмусь ручаться за последствия... Но взгляните-ка, от свечей остались одни малые огарки, близок рассветный час. Не разумней ли отложить наши препирания?

В каюту вновь вернулась тягостная тишина. На сей раз ее прервал Биндур – звонким щелчком вогнав меч в ножны, он занял свое место за столом. Чуть погодя в кресло опустился и Хальдрик, а уж за ним последовали прочие люди; часть стражей так и не выпустила оружия из рук. Глардо, несший караул у входа, убрал меч последним, а затем вернулся на свой пост.

– Не вздумай полагать, будто твоя выходка забудется, капитан, – Хальдрик пребывал в нерешительности, а мысли его были заняты внезапным осложнением дел. – Но хоть в одном ты прав: наши распри подождут и лучшего времени, тогда как медлить с решением – недопустимо. Пришла пора подробнее обсудить каждый наш шаг в предстоящем задании. Начнем, ясное дело, с пристани...

К тому времени, когда на «Величии» окончился совет, восход солнца уже набрал свою силу, и небо вспыхнуло дивными красками, предвещая скорое появление светила. Пронзая туманную завесь, первые яркие лучи дотянулись до корабля, ослепив усталые глаза моряков. Эти люди всю ночь высматривали в клокочущей тьме нечто такое, о чем иные побоялись бы и думать. Но эратхан исчез в глубинах вод, и только страшный его след остался в памяти мореходов. Озарив сонные лица, небесный светоч продолжил долгий путь, протягивая сверкающие пальцы все дальше и дальше, покуда не достиг своим теплым касанием долгожданной земли. На горизонте показался Рандар!

Глава третья

Прямиком в «Водоворот»

Длительное плавание «Величия» подходило к концу, и многие его обитатели готовились вскорости сойти на берег: кто в надежде получить заслуженный отдых и щедрую оплату трудов, а кто и надеясь сполна отплатить другим за дурные дела. Но и до тех пор забот хватало каждому. Так, пока Хальдрик и Почетные стражи скрывали в увесистых котомках все необходимое снаряжение, попутно привыкая к чуждым для

себя одеяниям, капитан Даварт также собирался к высадке, притом не по времени усердно. Столь странная спешка удивила трэнларта. Улучив минуту-другую, он прямо спросил капитана о сборах, на что Даварт лишь кратко заметил:

– Прикажете нам на сырой земле спать да травой покрываться, как на берег сойдем? Боюсь, места там нехоженые, в таких условиях нужно быть готовым ко всему. И если у вас нет других вопросов, я прошу оставить мои дела мне, куда вашего внимания требуют задачи действительно важные, почтенный трэнларт.

Хальдрик не нашелся чем возразить и зашагал обратно к каюте, но в мысли его закрались тихие подозрения. Юный Айнос, что не познал еще и трех Слияний Стихий, успел повидать за свою жизнь немало обмана, и умел обличать его в чужих речах. Сейчас же он колебался, ибо Даварт, если и впрямь что-то утаивал, был совершенно не из тех людей, что станут плести коварства за спиной. Сомнения липкой паутиной опутали разум трэнларта, и он чуть было не смял карты острова, пряча их в туго набитый заплечный мешок. Злой на себя и свою рассеянность, Хальдрик погнал тревоги прочь, нынче было не до них, – пришла пора ему стать простым торговцем, коих на Рандаре водилось в избытке.

* * *

Грядущий день обещал быть погожим. Залитая солнцем

пристань пестрела и яркими шатрами, и скромными лавчонками, что зазывали разношерстный люд в свои тенета, – с давних пор Рандар в изобилии посещали купцы, моряки и прочие странники мира. А первые же летние деньки нередко превращали остров в растревоженный муравейник, ибо тогда в эти края совершались настоящие торговые паломничества.

Меж тем к свободному помосту причалило новое судно, с достоинством вступив в стройные ряды кораблей. Неброского вида торговцы принялись спешно выгружать свой товар на сушу. Но что-то в их облике смутно настораживало, неуловимая мелочь выделяла из толпы других, сновавших неподалеку, и бдительные глаза не оставили этого без внимания. . .

Покончив с высадкой, Хальдрик и Почетные Стражи простились с Давартом. Пожелав капитану попутного ветра, они взвалили на себя нелегкую поклажу и отправились в путь. Впрочем, чересчур утомиться путники не успели: наткнувшись на торговца выючными животными, они приобрели двух мулов по сходной цене; ценой, однако, горячего спора – упрямство хозяина глубоко роднило его со своим товаром. Вздохнув свободнее, мнимые торговцы стали держаться главной дороги, ведущей к Авагдару.

Авагдар, сердце Рандалира, принимал в себя один людской поток за другим, и места в нем, казалось хватит на всех. Да только манили людей не пригожие дома и ветвистые улочки, их подпоясавшие, но обширная рыночная площадь, спо-

собная впечатлить своим размахом кого угодно; здесь, в южной черте Авагдара, и проходила львиная доля всех торговых сделок.

Вклинившись в вереницу галдящих купцов, компания застучала сапогами по широкой дороге, вымощенной красным камнем. Не успели путники дослушать историю об одной вечно теряемой перчатке (весьма и весьма занятную), как уже добрались до развилки с указателями.

Путь по правую руку выглядел нешироким, и пролегал будто бы сквозь древнюю лесную чащу, так плотно росли деревья по обе его стороны! Но чем дальше уходила тесная дорога, тем явственнее расступались зеленые кроны, и в самом конце исхоженной тропы маячила приметная крыша таверны. Не теряя времени, Хальдрик и его спутники свернули с главной дороги, пока людской поток не успел вернуть их в свое русло.

«Водоворот» расположился близ лесной опушки, уже заметно отступившей и поредевшей, не случайно – сказывалась постоянная нужда в древесине.

– А ведь я слышал по пути, будто бы наша таверна разменяла на днях девятый десяток. По виду и не скажешь... – Задумчиво произнес Тальмир, шагая впереди колонны, уступая лишь Хальдрику с Биндуром; в самом конце вереницы стучали ведомые за поводы мулы.

– Сколько-сколько, восемьдесят лет? Ну и брехня, доложу я вам! – раздался голос Удрина. – Если так оно и есть,

таверна, почитай, на одном честном слове держится! Взгляни-ка, у нее вся восточная сторона морю открыта – с отрога спустишься, так вода, поди, у самых ног плескаться будет. Сгнило бы здесь все, за столько-то времени. Да и вид у таверны такой, будто не чинили ее ни разу!

Четверо стражей согласно тому заворчали, однако Тальмир возразил:

– Почему бы и нет? Сам Рандар обнаружили тремя годами ранее; стало быть, «Водоворот» могли выстроить первые из прибывших поселенцев, благо все нужное под рукой. Я, к примеру, вижу среди здешних деревьев и дуб, и ясень, – чем не хороший материал? А уж на каменном основании добротные дубовые стены и сто лет простоят, ничего им не станется от морского ветра, разве что вид потеряют. И до воды здесь, будь уверен, далече, чем может показаться.

– Ну, даже не знаю. В местах, откуда я родом, мне дубов видеть не приходилось, тут тебе виднее, – Удрин почесал в затылке. – И все одно не верится...

– Меня другое больше волнует, – обернулся Биндур. – Как их, в такой близости от леса, зверье не донимает? Те же волки, скажем, ежели здесь кто поопаснее не водится?

– Раз таверна стоит по сей день, донимают ее, по большому счету, люди, – усмехнулся Тальмир. – А вот чьими стараниями...

– Ладно, об этом мы у рандарцев спросим. И запомните хорошенько, что сейчас мы – торговцы. Не давайте и повода

думать, будто это обман. Сами за языками следите, а всяким прочим дайте наговориться вдоволь. Такая уж нам выдалась работенка... до поры до времени. Вот мы и на месте.

Дорога привела путников напрямиком к дверям таверны, где они задержались, снимая поклажу с мулов. Попутно стражи оглядывались по сторонам, да так ловко, что никто бы и не заподозрил их в этом. Вот, кажется, говорят себе торговцы о своих делах – хороших ли, худых, – но тут один метнул случайный взгляд за спину собеседника; там другой неторопливо размял шею; третий же, развязывая котомки, поглядывал на дорогу из-под капюшона плаща – и Почетным Стражам ясно, что прислуга, разбираясь с шумными постояльцами, подоспеет нескоро, путь позади открыт, наблюдателей, кроме редких дозорных на главной дороге, не видно, как и любопытных глаз в окнах «Водоворота». Тем временем Хальдрик, не слишком сведущий в подобных вещах, с интересом рассматривал таверну и прикидывал в уме, во сколько им может обойтись здешняя ночевка.

Стоит отметить, что и простого взгляда на «Водоворот» хватало, дабы увидеть следы былой его красоты. Стены таверны были выкрашены в темно-синий цвет, хотя старожилы Рандара все еще помнили их искусно расписанными. В прежние времена художник, чье имя затерялось в летах, не только украсил таверну многими оттенками Тондра, но вдобавок изобразил на восточной ее стороне всеобъемлющий Зев Моря, грозное великолепие которого ему довелось про-

чувствовать лично. С тех пор каждый уважающий себя мореход, что был затянут в это уютное и шумное пристанище, почитал своим долгом похвастать, сколь быстро и ловко преодолел их корабль повстречавшийся в пути коварный водоворот! Особо рьяные любители местной выпивки утверждали, что едва им удавалось уйти от неожиданной напасти, как они тут же попадали в круговерт еще сильнее, и так продолжалось вплоть до самого берега! Подобные байки неизменно веселили обитателей «Водоворота», и занимали особое место в кругу прочих небылиц, кочующих по таверне из уст в уста. Само собой, ныне живущие могли наблюдать Морской Зев лишь на стене любимого заведения, ибо буйства Тондра, редкие и ранее, незадолго до открытия Рандара прекратились вовсе.

Помимо этой прекрасной и вместе с тем устрашающей картины, таверну некогда украшали резные фигуры морских обитателей. Среди них особенно выделялся массивный эратхан: подвешенный цепями над входом, он взирал на всякого входящего пронзительным стеклянным оком; в те дни жива была память о Грозе Морей.

Теперь же от былого убранства таверны осталось одно только название: что-то было безвозвратно испорчено, другое – продано в трудные для «Водоворота» времена. Сохранились, правда, весьма красивые входные колонны, держащие на себе карниз, да выдавшая виды вывеска, которую все же правили исправно.

Одним словом, таверна выглядела сносно. Угадывалось в ее облике и первожданное величие, растерянное с течением лет потомками первых поселенцев. Судьба «Водоворота» сложилась так, что ныне он принадлежал некоему Фарьяду, а до него заведением владело трое других семейств, последнее из которых и привело таверну в плачевное состояние. И хотя новый хозяин вернул ей подобающий вид, большего он сделать не сумел, да и не захотел.

* * *

«Как такое вообще может быть? – мысли Кронта роились, пока он медленно пятился назад, держа сжатые кулаки наготове. – Это же немыслимо, невозможно!»

Мовард двигался на него хоть и шатающейся, но вполне уверенной походкой, от которой так и веяло угрозой.

Этот громадный чужеземец обитал в «Водовороте» вот уже несколько дней, и казалось, будто единственным занятием в его жизни было беспрестанное пьянство. Черноволосый и вечно угрюмый, Мовард, едва переступив исхоженный сапогами порог, сразу же потребовал себе выпивки и направился к столу в дальнем углу таверны. Люди, мирно почивавшие там, были не против нового компаньона, вот только компаньон оказался против, и вскоре остался сидеть в одиночестве – прежние застольщики разумно решили с ним не связываться. Осушив первый эрфиль добротного напитка, он

заказал себе следующий, затем еще один, следом прочий... К тому времени, как любой другой упал бы в беспамятстве, этот человек лишь устало встряхивал головой да ворчал себе под нос что-то бессвязное. Солнце клонилось к земле все ниже и ниже, а чужеземец так и пил без передыху, не обращая и доли внимания на окружающих; исключение составили те редкие смельчаки, что тщетно пытались разговорить молчуна. До самого вечера люди поглядывали на Моварда с опаской и старались не шуметь без надобности. Однако выяснив, что верзиле ни до кого нет дела, вернулись к прежнему своему веселью. По чьим-то заверениям, Пьянодум, как его стали называть вполголоса, всю ночь просидел за столом не сомкнув глаз.

На следующий день чужеземец увлекался выпивкой уже значительно меньше, но все еще в немислимой для других мере. Теперь он что-то тщательно выводил на помятых бумажных листах, вынутых им из-за пазухи. Были ли это письма, а может какие рисунки – никто толком понять не сумел. Зато у посетителей таверны появилось новое развлечение: они решили делать ставки на то, сколько же еще продержится Пьянодум, прежде чем провалится в глубокий хмельной сон. Особенно охотно на это соглашались вновь прибывшие, надеясь поживиться легким выигрышем, за что и поплатились звонкой монетой, да не одной. Однако прошел час, второй, третий, а Мовард все сидел себе как ни в чем не бывало и прихлебывал пиво, да так, что многие уже плюнули на

бессмысленные ставки и нашли другое занятие по душе.

Лишь с уходящим солнцем того дня громила покинул свое привычное место и тяжелыми шагами поплелся к выкупленной комнате, чем немало удивил постояльцев таверны: те уже свыклись с недвижимым Пьянодумом, и считали его скорее пустым големом, нежели человеком, а то и вовсе частью убранства «Водоворота», навроде огромного черного шкафа (хотя будем честны, ни один шкаф не вместил бы в себя столько выпивки).

Что и говорить, если само имя чужеземца узнали совершенно случайно, когда чей-то острый слух уловил такие его слова:

«Да чтобы я, Мовард, пресмыкался перед жалким трусом?! Не бывать этому!» – после чего здоровяк с силой ударил по столу, опрокинув пустые кувшины и заставив дрожать полные.

Слова эти, судя по всему, прозвучали громче намеренного, ибо Пьянодум впервые огляделся по сторонам, а уж затем вернулся к своей бескрайней попойке.

Вот так в «Водовороте» и появился этот необычный постоялец. Но покуда он никому не мешал, а за ночлег и питье платил исправно, Фарьяд, наравне со многими прочими, был не против его пребывания в таверне. Но пришло время, и Пьянодум проявил себя с совершенно иной стороны... То был день, когда в таверну решил наведаться Кронт, рандарь и весьма толковый бард.

* * *

– Стой! Остановись! Если то, что я сказал...

– Ах, *что* ты сказал? Что *ты* сказал, крысеныш?! – взревел Мовард и потянулся рукой к пустующему табурету. – Сейчас я тебе растолкую, *что ты сказал!*

Кронт всегда был человеком своенравным, и уж точно никогда не слыл трусом, как и не упускал случая доказать это всем вокруг. Но сейчас, перед лицом разъяренного чужеземца, он едва не бросился наутек, столь страшен оказался Пьянодум в гневе! Удержали его лишь остатки гордости, чудом уцелевшие от внушающей трепет картины, да стыд перед Фарьядом и гостями таверны, коим, после побега виновника, пришлось бы всеми правдами и неправдами верзилу утихомиривать. И неизвестно, чем бы все это тогда окончилось; неясно, правда, чем кончится и теперь...

Кронт успел пригнуться, и как раз вовремя – над его головой раздался чудовищный хлопок, а за ним и громкий треск. Это крепко сколоченное сиденье, брошенное Мовардом с удивительной силой и меткостью, врезалось в стену и разлетелось на куски. Барду все же крепко досталось отскочившей деревянной ножкой, и на миг его сознание затмила ослепительная вспышка боли...

* * *

– Ну здравствуй, Фарьяд! Давненько я не видал ни тебя, ни этих славных стен, и да стоят они в целости, покуда Рандар не опустится на дно морское! Хотя нет, лучше я скажу так:

*Коль ненастья и сомненья отравляют сердца зной,
А тревожных мыслей ворох держит верх над головой,
Не печалься, не робей, отрешись от всех забот!
«Что же делать?» – спросишь ты. Путь держи в «Водо-
ворот»!*

Закончив небольшой стих, Кронт рассмеялся и добавил:
– Долго же мой долг не пускал меня, но вот я здесь. Как идут твои дела, старый плут?

– Скажешь тоже, «долго», – фыркнул бородатый и в меру полный хозяин таверны. – Да тебя здесь от силы недели не было, пустозвон, а старше я тебя лет на шесть, в старики он меня записывает! Но вот на добром слове спасибо, стишок у тебя вышел недурственный. Дела мои, как видишь, идут своим чередом: и хорошо, и плохо, но хорошего, благо, больше выходит. Погляди, какие кувшины давеча прикупил, их захочешь – не разобьешь, загляденье! Ну, проходи ты уже, присаживайся, тебе здесь всегда рады. А коли пришел с парой монет, так и рады будут вдвойне!

Оба приятеля рассмеялись. И тут кузнец баллад и песен

приметил великана, одиноко сторбившегося над столом в дальнем углу таверны, после чего обрушил на Фарьяда целый шквал вопросов.

– Да я и сам бочонок икримта тому выкачу, кто мне его историю рассказать сможет, – отшутился владелец «Водоворота», – больно тип странный. Сидит себе в одиночестве, пьет, постоянно и помногу, а вроде и не пьянеет – такого я еще не видывал! К тому же...

Вдруг из нижних помещений раздался неясный шум, затем что-то тяжелое гулко рухнуло на пол, и до ушей барда донесся отчетливый плеск. Кряхтя и ругаясь, Фарьяд поспешил вниз, прихватив с собой пару ведер. Кронт попытался было прислушаться, но раскатистый смех гуляк, сидящих неподалеку, свел на нет все его усилия. В голове барда не родилось и четырех новых строк, когда хозяин таверны вернулся на свое место; выдавали его отлучку разве что рукава рубахи, закатанные по локоть, да краткий невеселый вздох. Будто ничего и не случилось, он продолжил:

– Так, о чем то бишь я? Точно! Мало того, что не пьянеет, так еще и не спит почти: за пять дней, пожалуй, раза два в комнату отходил, да и спал ли он там вообще – неясно. М-да, м-да... Что еще? Помнится, выводил на листочках какие-то закорючки, а уж чего там на деле было никто узнать не сумел, – он к себе за стол и близко людей не подпускает. Как глянет наш Пьянодум на тебя сурово, исподлобья, так сразу и язык заплетается, и ноги подкашиваются! Сам я, конечно,

к нему не подходил, за другими смельчаками наблюдал, но, сдается мне, чувствовали они себя именно так. Больше о нем и сказать нечего.

– Что, и всего-то? Интересно... – Бард хитро сдвинул брови. – Прозвище-то ему подходящее дали, а имя, выходит, так и не вывели?

– Дайкар, говорит, услышал в его бормотании, что, мол, я, Мовард, трусу служить ни в жизнь не буду, вроде того... Стало быть, Мовардом кличут черноволосого, а может звали его так раньше.

Кронт призадумался, будто бы решаясь на что-то, а затем хлопнул по прилавку и торжественно произнес:

– Что же, Фарьяд, готовь бочонок своего лучшего напитка, ибо я намерен разговорить молчаливого чужеземца и выведать все его тайны, во что бы то ни стало!

– Да ты, верно шутишь? – ухмыльнулся хозяин таверны, но недобрая искра, мелькнувшая в глазах приятеля, заставила его посерьезнеть. – На твоём месте я бы дважды подумал, это же чистой воды безумство! Сказано ведь, пытались и до тебя многие, пустое это дело.

– Все потому, что они не знали нужных слов, а я их знаю, притом немало!

– Нет, ну вы гляньте на него! – проворчал Фарьяд. – Я тебя прошу: не суйся к нему, предчувствие у меня плохое, пускай сидит себе один, раз компании не хочет.

– Не робей, дружище! Тебе же самому интересно, разве

нет? Оставь увещевания другим, ибо я, как ты знаешь, слов на ветер не бросаю. Просто ответь, уговор все еще в силе?

– Ох-хо-хо, с твоим-то нравом... – Бородач вздохнул и почесал в затылке. – А знаешь что? Была не была – узнаешь его историю, так бочонок твой! Только ты уж поосторожнее с ним, ладно? Мне здесь лишние неприятности ни к чему.

* * *

Хватаясь за ушибленную голову, Кронт поспешил подняться на ноги, пока Пьянодум не успел подойти ближе. Громила двигался без промедления, расталкивая могучими руками тех, кому не посчастливилось оказаться на пути. Но пока он пробирался к своему обидчику, ошеломленного барда успела окружить добрая дюжина людей. То были и близкие друзья Кронта, и те, кого Мовард просто раздражал своим вечно угрюмым видом. Приблизившись к новоявленным защитникам, чужеземец застыл в нерешительности; несколько мгновений противники обменивались лишь гневными взглядами.

– Прочь с дороги! Если вы боитесь за его жалкую жизнь, то она мне не нужна, но вот за свои слова ему придется заплатить!

– Да неужто?! – резко выкрикнул один из друзей барда, на голову ниже великана. – Не пригнись Кронт вовремя, так его пришибло бы насмерть от твоего броска! Как по мне, плата

чрезмерная!

– Еще бы! – подхватил другой, ростом едва ли доходивший до плеча громалы. – И за что, интересно, он должен заплатить? Сперва нам скажи, а там видно будет, как бы тебе платить не пришлось!

– Не испытывай меня, недомерок, так и до тебя руки дойдут! И чего это вы встали здесь своей тесной кучкой? Думаете, хватит силенок со мной потягаться? Ха! Прочь, я сказал! – рывкнул Пьянодум и грозно шагнул вперед.

В таверне повисла звенящая тишина, какой не бывало здесь и в самый поздний час. Каждый ее обитатель с нетерпением, а то и страхом ожидал развязки происходящего. В особенности ее ждал песнопевец, оказавшийся в кругу неожиданных спасителей. Он помалкивал до поры, опасаясь распалить Моварда еще пуще, и лишь кратко поблагодарил друзей. К чести защитников, ни один из них не дрогнул перед нависшей опасностью, лишь крепче сжали они кулаки. Как знает: может, Пьянодум и не решился бы напасть на стольких людей разом, но тут Диркат, известный задира, выпалил:

– Сомневаешься в нашей силе, здоровяк? Подойди ближе и отведай ее, да смотри, не подавись!

Как сталось, напрасно.

* * *

Кронт смело направился в восточный угол таверны. По-

добравшись к столу с единственным выпивохой, он спокойно выдержал угрожающий взгляд и сел прямо напротив чужеземца.

– Привет тебе, Мовард Пьянодум, какой бы ветер не занес тебя в наши края! Как я погляжу, – бард кивнул в сторону опустевших кувшинов, – тебе нет равных в непростом искусстве пьянства. Так почему бы нам...

– По-твоему, – резко оборвал его Мовард, – я здесь случайно сижу в одиночестве, когда вокруг снует столько народу? Оставь меня в покое, а не то... Погоди-ка, как ты меня назвал?

– Именно так я и думаю. По воле случая тебе не нашлось достойного собеседника. Того, кто не станет приставать с глупыми расспросами, но разделит тяжесть дум, не дающих покоя сердцу. Разве найдешь здесь таких? Разумеется, нет – здешний сброд только и горазд, что обидными прозвищами за глаза обзывать. Вот уж наглость с их стороны, не правда ли? – с этими словами Кронт взял ближайший кувшин и сделал несколько долгих глотков.

Ведомо ли кому, какие думы посетили Моварда в тот миг? Что бы ни таилось в его голове, размышлял он долго. Пристально воззрившись на непрошенного гостя, он отставил в сторону недопитый эрфиль. Тут уже и гости таверны стали подмечать, как за столом у нелюдимого прежде Пьянодума объявился собеседник. Кое-кто от удивления даже смолк на полуслове, но большинство, поглазев малость, вернулись к

прежним своим занятиям, не придав этому особой важности. Спустя бесконечно долгую минуту, за которую лоб барда покрылся мелкой испариной, Мовард наконец отвел глаза, осушил недопитый эрфиль и медленно, с неприкрытой угрозой, произнес:

– А ты, юнец, не из робкого десятка, да? Считай, тебе повезло: я уважаю смелость в людях, какой бы она ни была, потому и дал тебе возможность договорить; хоть и вещаешь ты складно, признаю. Но вздумашь дерзить мне дальше, так я не стану на слова размениваться – одним махом прихлопну, пикнуть не успеешь! Теперь выкладывай, чего хотел, или убирайся восвояси.

Кронт ликовал, предвкушая свой скорый выигрыш:

«Ага, попался! Теперь от меня не уйдешь, угрюмец. Все из тебя вытяну, пусть по крупнице, но ты расскажешь мне все, что потребуется! Осталось лишь усыпить твою бдительность...»

* * *

Отшвырнув прочь последнего из заступников барда, Мовард выдохнул.

«Ух, а эти ребятки стояли крепко, непросто же было их одолеть! Заварушка-то вышла сродни той, когда... да уже и не важно. В иной раз я бы не выстоял против дюжины, но сегодня случай из ряда вон, и теперь этот трепач подавно не

уйдет без ответа!»

Сплюнув на пол кровью, великан мельком взглянул на себя: синяки, ссадины, челюсть едва ходит, местами порвана одежда; ох, еще и глаз заплыл, то-то видеть стало хуже! Ничего серьезного, в общем, чего не скажешь о соперниках – вряд ли кто из них отделался столь легко, что встанет на ноги без помощи со стороны.

«Так, и куда подевался этот дурень? А, вот же он! К выходу успел пробраться, пройдоха, да еще и меч себе раздобыл. Но что это: мне мерещиться, или он взаправду хочет показать боевую стойку? Порядком же он не брался за клинок, а может и взял-то в руки впервые в жизни. Неужто надеялся испугать меня этим? Опрометчиво, очень опрометчиво. Во всяком случае, бежать он не намерен, иначе скрылся бы раньше. Что ж, тем лучше для него, ибо нет чести в трусливом бегстве от опасности – уж лучше достойно принять смерть, глядя ей прямо в лицо!»

Намереваясь довершить начатое, Мовард в несколько прыжков добрался до обидчика и замахнулся громадным кулаком.

В тот же миг двери таверны распахнулись.

* * *

– Можно подумать, тебе по нраву местное пойло, раз ты пьешь его без продыху? – как бы невзначай спросил Кронт,

отхлебнув пенного напитка. – И как это ты осилил столько эрфилей разом? Таким количеством выпивки, пожалуй, половину таверны можно отправить в глубокий сон без сновидений.

– Можно подумать, – в тон ему ответил Мовард, – тебе оно по нраву даже больше, раз не чураться пить с незнакомцами, да еще и за их плату!

Барду почудилось, будто на лице Пьянодума промелькнула скупая улыбка, но ручаться за это он бы не стал; тем более, что на последние свои слова чужеземец сделал особый упор.

– Да брось, – Кронт досадно махнул рукой и принял заискивающий вид. – Разве ты поскупишься угостить честного человека прекрасным икримтом, простив ему горстку несчастных монет? У тебя-то, я смотрю, их в достатке.

– Может быть, может быть... – Задумчиво протянул Мовард и пригубил очередной эрфиль. Осушив его одним долгим глотком, он принялся разглядывать затейливый кувшин. Повертев его в руках и так и этак, здоровяк вдруг спросил:

– Как, говоришь, местная выпивка зовется, икримт? Должен отметить, вкуснее пива мне пробовать еще не случалось. Только я никак не пойму, что же особенного в него добавили. Ты, случаем, не знаешь?

Теперь в глазах вечно угрюмого выпивохи плясали веселые огни.

– Знаю, да что мне с того, – притворно вздохнул хитрый песнопевец. – Мы с хозяином «Водоворота» старые друзья,

вот он однажды мне и проболтался. Все бы ничего, да взял он с меня слово, язык за зубами держать, иначе дела его могут пойти худо. Жаль, но...

– Разве нет средства, что поможет тебе на время забыть об обещании? – Мовард Пьянодум пристально посмотрел Кронту в глаза, вместе с тем подвинув к нему очередной эрфиль, до краев наполненный пенным напитком.

Здесь бард ненадолго задумался, уставившись на новую порцию икримта и будто прикидывая, стоит ли нарушать слово ради такой сомнительной выгоды. На деле же он тянул время, осторожно подбирая слова для ответа.

«Конечно, придется открыть ему эту тайну, да что он с нее поймет? Спрашивает из праздного интереса, только и всего. Вот только интерес и у меня имеется».

– Пожалуй, есть кое-что. Я готов нарушить данное мною слово ради одного – собственного любопытства. Как бард, я безмерно ценю занятные истории, способные вдохновить меня на сочинение стихов и песен не менее занятных, а потому предлагаю следующее: взамен и ты расскажешь свою тайну, какую сочтешь подходящей и равнозначной. Думается, такая плата будет справедливой.

– Ха! А ты молодец, знаешь себе цену, – Мовард почесал крепкий подбородок, заросший черной щетиной. – Только и говорить станешь первым, а уж чего твои слова будут стоить, я как-нибудь решу.

«Настал черед, пора и рискнуть!» – мелькнуло у Кронта

в голове. Для пущей убедительности он осмотрелся по сторонам, подмигнул глазевшим на них с Пьянодумом людям, затем придвинулся ближе к собеседнику и заговорил, понизив голос:

– Начну с того, что икримт варят вдвое дольше, чем обычное свартово пиво, и обязательно выдерживают в дубовых бочках по меньшей мере три месяца. Что касается вкуса, то он появляется благодаря меду, белому перцу и особому растению, обнаруженному на одном из островков южнее Рандара. Зовется оно... чаужварто, кажется. Тьфу, с таким названием, не ровен час, язык сломаешь! Так вот, сам по себе этот кустарник ничем не примечателен, но именно его узкие вьющиеся листья с пряным запахом оказались хорошей находкой для Фарьяда, хозяина нашей таверны, – он-то и надумал замешать их в свое пиво, когда пробовал вывести собственный сорт. Спустя пару лет затратной и кропотливой работы ему все же улыбнулась удача: смешав воедино меру листьев чаужварто, две меры молотого перца, и три – меда, Фарьяд получил чудную смесь, которую и добавил в пиво незадолго до окончания варки. Полученный напиток он назвал в честь своей покойной жены, поскольку первый же глоток пива вернул Фарьяда в теплые воспоминания о прежних счастливых днях, проведенных им вместе с любимой. Так и случилось, что «Водоворот» обзавелся превосходным питьем, известным ныне и за пределами Рандара, а мой добрый друг получил утешение, потому как любой, кто восхвалял это пиво,

почитал память и о покойной Икримт.

Вот она, моя тайна. Все, о чем я знал, тебе поведал. Пришел твой черед.

Мовард, однако, не спешил с ответом. По его лицу нельзя было понять, пришлась ли такая история ему по душе, и стоит ли она запрошенной платы. Отпив очередной глоток икримта, здоровяк кашлянул в кулак и заговорил, но уже чуть тише обычного:

– Мед и перец, значит? Ну что ж, похоже на правду. Про листья чаужварто мне ничего не известно, но я готов поверить твоим словам. За свою жизнь мне пришлось побывать в разных уголках Алоргата, однако выпивка, как назло, всюду оставалась неизменной: в одних краях она была дрянной, в других – вполне сносной, а все ж не менялась. И только на этом острове, в старой таверне, я, наконец, нашел действительно отменный напиток. Да чего уж там, здешний икримт будет лучше, чем...

Тут, к великому огорчению Кронта, Мовард запнулся. Скрежетнув зубами и вновь почесав подбородок, Пьянодум вернул себе прежний угрюмый вид. Казалось, сейчас он прогонит барда прочь, оставив того без должной награды... Но Мовард лишь шумно вздохнул и продолжил:

– Славно же у тебя язык подвязан, бард, раз почти сумел меня разговорить. История твоя, хоть и коротка, меня впечатлила, а коли так, то и я своей поделюсь. На месте этого Фарьяда, я бы вышвырнул тебя вон за такую подлость, но

ты не испугался взять слово первым, и потому я скажу даже больше, чем намеревался. А после мы с тобой разойдемся, без надежды на скорую встречу, уяснил? Так-то, вернемся к делу.

Помнится, ты спрашивал, как я могу одолеть столько выпивки разом, не охмелев в придачу? Честно говоря, это загадка и для меня самого, и придется тебе довольствоваться одними моими домыслами. – Мовард быстро взглянул на правую полу своего дубленого жилета, а следом, сам того не замечая, стиснул ладонями край стола, да так, что дерево скрипнуло. – Тебе ведь приходилось слышать о *Той Самой Битве*, верно? Именно *Той*, что отгремела на земле, зовущейся ныне Белесыми Песками? Приходилось, конечно, столько слухов ходило в первое время... Воины не возвращаются, вестей о победе или поражении все нет, люди ждут худшего... Тогда, может, и не осталось никого, кто сумел бы вспомнить и поведать о случившемся – разве могли быть победители в Бою Побежденных? Я и сам позабыл многое...

Кронт едва сдержал себя, дабы не поморщиться.

«Ох, а я и впрямь надеялся вызнать у него что-то стоящее, да, видно, оплошал – хмель ему крепко в голову ударил, и теперь прозвище Пьянодум выглядит вполне подходящим. В самом деле, это он сдуру одну из своих заварушек решил сравнить с Величайшей Битвой Рода Людского?! Или просто-напросто лжет, дабы от меня отделаться? Ну-ну, поглядим, что удастся выловить из его рассказней.»

—... Помню лишь искаженные яростью лица врагов, да верный меч в руке, разящий направо и налево. Кем были те люди (хм, люди ли), за что мы сражались в тот злосчастный день? Разве узнаешь теперь... Волею судьбы я пережил страшную сечу, — по рукам Моварда прошла крупная дрожь, — как вдруг на меня обрушился тяжкий морок. И кабы только на меня — все войско под началом Стигизми-за словно разом обезумело! Лучники, конница, даже лекари, спасавшие раненых, вооружились клинками и бросились в гущу битвы! Помню, как и мои глаза налились кровью, а в голове раскаленным прутом выжглась одна только мысль: «Мечь!» Но не успел я сделать и шага вперед, как разум мой помутился, и я повалился навзничь, не в силах устоять на ногах. То, что случилось дальше, объяснять бессмысленно, — немногим я доверил такое знание, но и те сочли меня безумцем; не поверишь и ты, будь уверен.

Когда все было кончено, я в растерянности побрел прочь. Пока длился мой долгий путь домой (нет-нет, ты уже потерял свой дом, это был просто обратный путь), я никак не мог запомнить дороги, будто бы двигался во сне. А достигнув первых поселений, я словно очнулся от забытья и понял вдруг, сколь сильно переменился: пройдя шагов без счета, я не чувствовал той смертельной усталости, которой следовало быть, как не чувствовал потребности в еде, питье или отдыхе. Немногим позже я выяснил, что мне все еще нужно и есть, и спать, но отныне лишь самую малость. Ничуть

не смущаясь пустяковых нужд, я продолжал пить и есть в свое удовольствие... да только где оно теперь? *Где?!* День ото дня спокойная жизнь постылела мне все больше, и тоска по прежним удалым гулянкам отнимала покой. Тогда я решил отправиться на поиски заветного крепкого пойла, что смогло бы хоть немного пронять меня.

Многие дороги Алограта я избродил, побывав теперь и на Рандаре, однако поиски мои не окончены. Отдам должное здешнему икримту, он оказался лучшим в своем роде, да только... хватит с тебя. Ты хотел понять причину моей удивительной стойкости, и ты узнал все, что только мог. Пора бы нам распрощаться. Но слушай-ка, бард, ты ведь *не забудешь* сочинить песенку о моей истории, верно? – насмешливо бросил Пьянодум и вновь припал к эрфилю.

Неожиданно для себя самого Кронт оказался в глубоком смятении. Пока этот чужеземец нес околесицу, в его бреднях вдруг стали всплывать события, о которых поведали миру Вернувшиеся: Рункарт, Ладкарт, Гимиль и... кто-то еще.

Случилось так, что этих троих, лежавших в пыли одного заброшенного тракта и совершенно обессиливших, нашли переселенцы с юга. Доставив несчастных к мосту через бурный поток Омтоса, их передали в руки ближайшего гарнизона. Стражи границ никак не могли признать в грязных бродягах воителей из числа королевской рати, пока те, с трудом подбирая слова, не поведали им о страшной Битве. Не теряя времени, Вернувшихся снарядили в долгий путь

на север, к замку Тоонгилас, столице Алограта. Недели утомительной скачки – и вот путники, не сменив запыленных одежд, предстали у королевского трона и подверглись немилосердно долгим расспросам. Все рассказанные ими вести были бережно собраны воедино и записаны лучшими летописцами, какие только нашлись в королевстве.

Рункарт, Ладкарт и Гимиль пребывали в замке не менее месяца, когда объявился и четвертый Вернувшийся. По его собственным словам, он пришел с окраин западных границ; из тех суровых мест, где возвышалась сторожевая крепость, неприступный Чадарун. Как ему случилось оказаться в той глуши, да еще и так далеко от поля брани, он не отвечал, а людей занимали совсем иные вопросы. К всеобщему сожалению, человек этот, обладавший невнятным именем, за просто вылетавшим из головы, и столь же заурядным обликом, сумел сообщить гораздо меньше, чем любой другой Вернувшийся. Главным в его словах сочли упоминание командующего, чья непростительная глупость стала виной гибели крупного передового отряда, тогда как сам он трусливо бежал. Будучи ребенком, Кронт с упоением читал «Предания о Бое Победенных», но даже в летописи о тех событиях говорилось лишь следующее:

«Поиски предателя велись с хладнокровным упорством, достойным охотников Кистрабара, но завершились неудачей: по прошествии двух лет слуги короля так и не сумели найти следов этого человека в окрестных землях. Тогда как

обманщики или попросту ретивые глупцы раз за разом приводили ко двору случайных людей, едва ли похожих своим обликом на преступника. Бескрайние разбирательства отнимали все больше усилий, и тогда, по велению короля Огверда, розыск был прекращен, а вместе с ним исчезла и награда за пленение».

В дополнение к описанию приводился давний указ, гласивший:

«Всякий, кто посмеет явиться во дворец с самозванцем, будет отправлен в темницу до тех самых пор, пока не объявится настоящий».

Нетрудно догадаться, что ряды «пленителей» вскоре растворились, и если предателя действительно удалось поймать в те времена, королевское правосудие его миновало.

Все эти сведения занимали в «Преданиях» едва ли шесть страниц, и не шли ни в какое сравнение с событиями, описанными Рункартом, Ладкартом и Гимилем. Быть может, потому и помнят имена лишь троих...

Так или иначе, всех Вернувшихся с большим почетом встретили и разместили при дворце короля Огверда. В нем они прожили весь следующий год, пока каждого из них не охватило губительное безумие. Гимиль держался дольше своих друзей-братьев, но и он потерял рассудок, охваченный неясным страхом...

Пока бард раздумывал, лелея надежду о продолжении беседы с Мовардом, великан внезапно поперхнулся своим пи-

вом и принялся шумно кашлять, с силой стуча кулаком по широкой груди. В тот же миг из-под полы его жилета выскользнул истертый временем бумажный лист; прошелестев под столом, он приземлился у самых ног Кронта. Песнопевец, быстро глянув вниз, неловким движением столкнулся со стола пустой кувшин (который, к слову, остался цел и невредим), и тут же поспешил поднять его, прихватив с собой случайную находку. Дождавшись, пока Пьянодум прочистит горло, Кронт поймал на себе его взгляд; еще не враждебный, но уже лишенный и тени дружелюбия.

– Тебе, верно, икримт в голову ударил? Ничего, я готов повторить еще раз, только слушай теперь повнимательней, хорошо? Пошел. Прочь.

– Зачем так грубо, Мовард? – с легкой обидой в голосе начал бард и прикрыл лицо рукой, будто потирая уставшие глаза. – Давай пропустим с тобой еще по эрфилю, и тогда я...

Кронт умолк на полуслове, не закрыв рта. То, что он увидел на клочке бумаги, потрясло его гораздо сильнее, чем росказни Пьянодума.

* * *

Хальдрик стоял к «Водовороту» ближе Почетных Стражей, а потому отчетливо слышал, как за его дверями нарастает шум, но ничуть о том не беспокоился.

«Потасовка. Куда же в таверне без доброй драки подвы-

пивших приятелей? Ну да ладно. Если допустить, что в комнате смогут разместиться четверо или пятеро стражей, за нее не станут просить больше трех миртов...»

От предстоящих трат его отвлек голос Биндура:

– Так, вот теперь мы готовы. Местечко выглядит спокойным, однако мне... – Гомон изнутри таверны добрался и до его слуха. – Да там, похоже, разбушевались не на шутку. Давай-ка я с парнями вперед пойду, нам не привыкать задирутихомиривать.

– Как скажешь, – отозвался трэнларт. – Только, в случае чего, действуй осмотрительно, лишнее внимание нам ни к чему. Я буду держаться позади.

Биндур отворил двери.

Он был готов к небольшой потасовке, про себя надеясь остудить особо горячие головы. Но чего он никак не ожидал увидеть, так это черноволосого великана, с оплывшим глазом и перекошенным лицом, мчавшегося прямо на них. Командир стражей мгновенно собрался и бросился громиле наперерез, оттолкнув по пути какого-то паренька с мечом.

Каждый, кто стал свидетелем этой схватки, запомнил ее до конца своих дней. И хотя противник был выше и шире в плечах, Биндур отличался быстрыми, отточенными в усердных тренировках движениями; исход поединка мог стоить жизни каждому из бойцов. Вот только черноволосый, приняв на себя с десятков мощных ударов, один из которых пришелся ему прямым в челюсть, и бровью не повел, лишь

распалился пуще прежнего, тогда как Биндур, пропустив всего два, с удивлением осознал, что следующий такой кулак вполне может свалить его с ног. Конечно, где-то позади стояли наготове два десятка верных ему людей, но с таким невиданным соперником он хотел справиться в одиночку.

Малость покружив возле великана и едва избежав череды хитроумных выпадов, Биндур решился на отчаянный шаг: рванувшись вперед, он сцепился с громилой руками, и теперь каждый из них намеревался повалить на пол другого, окончив тем самым поединок; какое-то время они стояли почти без движения, поглощенные неистовой борьбой. Но когда левая рука Биндура стала дрожать под тягостным напором неприятеля, он сумел изловчиться, ударив черноволосого коленом в бок. От неожиданности громила немного ослабил хватку, но и этого оказалось достаточно – Биндур молнией метнулся к нему за спину, и одним мощным прыжком замкнул на шее удушающий захват.

Разъяренный соперник попятился назад, намереваясь придавить Биндура к стене и сбросить с себя, однако тот, подтянувшись, усилил хватку и уперся коленями в широкую спину. Здоровяк захрипел и остановился, силясь удержаться на ногах. Он попробовал было поддеть руку, что крепко сдавила мощную шею, но, потерпев неудачу, решил одним рывком стряхнуть наглеца со спины. К тому времени силы покинули Моварда, и когда он схватил Биндура за ворот одежды, то лишь едва ощутимо дернул его. Ослабевшая рука ве-

ликана соскользнула вниз и повисла плетью. Лицо Пьянодума мертвецки побледнело, глаза потускнели и стали закатываться, но он упорно продолжал стоять на ногах; тогда командир стражей ослабил захват и качнулся вперед. Громадный человек упал на колени, а после завалился всем телом на прочный дощатый пол. Схватка была окончена.

Перво-наперво Биндур, невероятным усилием перевернув тело, ощупал горло побежденного. Кивнув своим мыслям и утерев пот с лица, он спросил запыхавшимся голосом: – Ну, и кто в ответе за это представление?!

Хриплые слова звучно разнеслись в тишине таверны, нарушаемой лишь мерным треском очага, и были услышаны каждым. Самые смелые и любопытные из постояльцев «Водоворота», едва заслышав шум и крики внизу, поспешили узнать причину, а под конец потасовки подоспели и все прочие. Оцепеневшие от зрелища люди наконец-то пришли в себя и загалдели даже громче обычного. Пока одни хлопали победителю и приглашали к себе за стол, другие требовали выдворить побежденного из таверны и передать его дозорным стражникам; третьи же, поглазев немного, отправились из таверны по своим делам.

Под скромные выкрики недовольных, что быстро затерялись в общем гвалте, неожиданный спаситель и его спутники перетащили Моварда за прилавок Фарьяда, где великан едва уместился. Кронт, наблюдавший за схваткой сидя на полу, поспешно встал на ноги и подошел к ним.

– Прими мою благодарность, незнакомый воин. Не подоспей ты столь вовремя, туго бы мне пришлось...

– Боюсь, ты и представить не сможешь, насколько туго, – кивнул ему незнакомец, поправляя рука измятой блузы. – Не сочти за грубость, однако против него шансов у тебя не было, пусть даже и с мечом. И, между прочим, никакой я не воин, просто мне уже приходилось драться раньше – разбойники, будь они неладны, до любого товара охочи, пускай даже небогатого. Видишь шрам на подбородке? Он-то и научил меня, как важно бывает порой постоять за себя.

Купец умолк, осторожно прощупывая левый бок, из-за чего вскоре поморщился.

– У-ух, хорошо же мне досталось. И на кого, интересно, он так ополчился – на тебя, выходит? А этих бедолаг тоже он по таверне разметал? Чем же вы ему не угодили?

– Да я, признаться, не знаю, с чего и начать... – Замялся бард.

– Ты мне тут не юли, – проворчал заезжий торговец, – я не для того кулаки в кровь разбил, чтобы недомолвки твои выслушивать. Отвечай, прямо и по делу.

– Юлить я не собирался, поверьте. Этот великан, которого вы так славно отделали, прибыл к нам дней пять тому назад и вел себя вполне мирно, разве что держался особливо среди прочих. Из всех отягощенных любопытством, я стал первым, кому удалось разговорить его, и мы, скажем так, обменялись историями. То, что мне удалось узнать...

– Тьфу, чтоб тебя! – воскликнул незнакомец. – Мне нет дела до того, кто он, откуда и что тебе рассказал. Мне просто нужно знать, сколько твоей вины в моих синяках и порванном костюме! В последний раз спрашиваю, чем ты его разъярил?

* * *

Кронт с трудом верил собственным глазам. Прямо сейчас в его руках лежал портрет злополучного военачальника, канувшего в небытие без должного воздания; точно таким он изображался и среди страниц летописи. Как догадался бард, находка оказалась старинным розыскным листом. Вот только нижняя его часть, с указанием имени и возможной награды, была грубо сорвана.

«Откуда у него эта вещица? И, что важнее, зачем он вообще хранит ее при себе? Неужто до сих пор ищет преступника? Престранно, а все же... все же, вдруг Мовард – потомок того самого предателя? И если взглядеться в лицо получше...»

Песнопевец поднял взгляд...

И ужаснулся.

Пусть у человека напротив и были различия с портретом, сомнений быть не могло: перед ним восседал вовсе не потомок, а сам предатель лично, спокойно распивая икримт здесь, на Рандаре. Уж в чем в чем, а в людских лицах Кронт

разбирался прекрасно, и малая маскировка не могла его обмануть. В один миг пьяные рассказы Пьянодума приобрели совершенно иной смысл...

От внезапного открытия у барда пересохло во рту, а сердце его стократно ускорило свой ритм. Кронт хотел было закричать, но не смог даже вздохнуть как следует, да и кто бы поверил? А Мовард меж тем не сводил глаз с наглеца, которого давно уж отправил восвояси, и все больше гневался.

– Решил напоследок позлить меня, стихоплет? Выходит пока неплохо, да вот последствиям ты не обрадуешься, пеняй на себя! Эй, да что с тобой такое?

– Ты... – Только и сумел выдохнуть Кронт; поборов тугой ком в горле, он продолжил уже громче, не скрывая ярости и презрения. – Ты... Из-за тебя погибли сотни, если не тысячи людей, а ты сидишь здесь, до сих пор живой, и пируешь в свое удовольствие, когда достоин лишь гнить заживо в сырой темнице, негодяй!

– Что? Что ты несешь?! – злобно рявкнул Пьянодум. Внезапно глаза его сделались дикими, и он пошарив рукой за пазухой, побагровел. – Умолкни. Умолкни сейчас же, иначе тебе несдобровать!

Но бард, мигом отпрянув от стола, и не думал прекращать свою гневную тираду.

– Умолкнуть? Я так не думаю. И не пытайся мне угрожать – сегодня в таверне полно народу, и далеко не всем здесь твое присутствие по нраву. Только представь, в какой они

будут ярости, когда узнают истину! А пока скажи мне, Мовард Предатель, каково это: жить с кровью многих людей на руках лишь потому, что сам ты – трус и глупец?!

* * *

– Значит, ты назвал его трусом и глупцом, а после он расвирепел? – торговец столь крепкого сложения, каким приезжие купцы никогда не хвастали, покачал головой. – Мда... Сам-то хоть представляешь глупость своего поступка? Что за безрассудство, смеяться над таким могучим дубом! Ведь он убил бы тебя, причем без раздумий и сожалений. Такого конца ты себе хочешь?

Бард потупил взгляд и промолчал.

– То-то и оно. Ну что ж, если у тебя и были причины словами бросаться, меня они...

– Причины?! О, их предостаточно, позвольте лишь поведать о них! – Кронт пробежал взглядом по шумному люду вокруг. – Но хорошо бы найти место потише, пока пытливейшие из гуляк еще не обступили нас.

– Нет, – отрезал незнакомец. – Я услышал достаточно, и догадаться о прочем труда не составит. Множество драк мне приходилось видеть, некоторые – прекращать, да только все они начинались одинаково, тут тебе меня не удивить. Прими-ка лучше совет напоследок: постарайся впредь не совершать подобных выходов, добр? Пусть на сей раз тебе повез-

ло, но вот в следующий могут и к могиле свезти, знаешь ли. Теперь же, с твоего позволения, мы...

– погоди! – прервал торговца один из его спутников, выступив вперед. К своему удивлению, песнопевец отметил у него волосы небывалого цвета и благородные черты лица, присущие скорее вельможе, нежели простому купцу. – Сейчас у нас и правда нет времени на разговоры, но к вечеру оно могло бы появиться. Тебе действительно есть что сказать?

– Определенно! – живо откликнулся Кронт, заметив, наконец, интерес в глазах собеседника.

– Признаться, имел я дела на сегодняшний вечер, но их отложу, столь важна наша встреча. Ибо драка не стóит и части вестей, добытых от труса до мозга костей! – нараспев закончил бард.

– Вот теперь мне и впрямь любопытно! – усмехнулся обладатель сумрачных волос. – Будь уверен, у меня найдется время для встречи с тобой. Но как твое имя?

– На Рандаре я известен под разными именами, но настоящее среди них одно, Кронт. Я – слагатель стихов и песен, известнейший бард в округе. А коли сомневаетесь в правдивости моих слов, так спросите об этом Фарьяда или любого другого здесь. Верно я говорю, дружище?

– Да верно, верно, – кряхтя отозвался подоспевший хозяин таверны; наряду с постояльцами, он приводил в чувство смельчаков, что попались Моварду под горячую руку. – Ты, чем языком чесать, помог бы лучше заступникам – они ведь

за тебя, балда, жизнями своими рискнули!

– О, на сей счет, не волнуйся, я еще сполна отплачу им за дружбу и мужество. Бочонка-то на всех хватит... – Бард хитро подмигнул Фарьяду и вновь повернулся к торговцам. – Но мой друг прав. По большому счету, потасовка случилась моими стараниями, и пора бы помочь в наведении порядка. Буду ждать вас с наступлением темноты здесь, в зале. До встречи!

– До вечера! – отозвался Хальдрик, и бард поспешил к пострадавшим, обреченный на растерзание бесчисленными вопросами.

– Добрые господа, – неуверенно начал хозяин «Водоворота», обращаясь к компании в целом, но все больше поглядывая на Биндура, – большое вам спасибо за избавление, да только что мне теперь с этим чужеземцем делать? Вы ведь, надеюсь, его не прикончили?

– Нет, по счастью, но схватка с таким медведем меня не на шутку встревожила. В самом деле, здоровяк боролся с удушьем до того долго, будто ему вовсе дышать не нужно! Во всяком случае, очнется он теперь не скоро, поразмыслить нам времени хватит. Лично я предлагаю связать его хорошенько, для начала, и унести туда, где мешать никому не будет. Найдется у тебя моток крепкой веревки? Местечко в кладовой?

– Веревка-то найдется, а вот свободный угол придется поискать.

– Ну и отлично! Пускай там посидит, а после... – Биндур сдвинул брови. – После видно будет. Он, может, и сам чего рассказать захочет, как очнется. Пока обойдемся без дозорных, у тех разговор завсегда короткий.

– Тем более, – поддержал друга Хальдрик, – твой приятель обещался сообщить нам нечто важное. И вот когда выслушаем обе стороны, рассудим все честь по чести.

– О большем я и просить не мог! – просиял Фарьяд.

Биндур и пятеро его людей перенесли Моварда в кладовую. Пока они возились с веревкой, затягивая на обмякшем теле хитроумные узлы, хозяин таверны в спешке освободил угол от треснувших бочек, сломанных стульев и прочего хлама. Водрузив здоровяка на очищенное место, Почетные Стражи поднялись наверх, а Фарьяд задержался, наставляя удивленную прислугу:

– Будьте тут повнимательнее. Связали его, конечно, крепко, а вот сдюжит ли веревка – пока неясно. Как только начнет шевелиться, ты, Нагда, скорее беги за мной, а Гиркис пускай останется, ясно? Вы уж не подведите, с нас и одного погрома хватит.

Вернувшись к прилавку, Фарьяд торжественно произнес:

– Пусть не иссякнут ваши кошельки, а ветер всегда будет вам попутным, славные торговцы! – счастливый владелец таверны смахнул пот с лица. – Но хватит с вас моих забот. Вы, верно, хотели разместиться в «Водовороте»? У меня как раз свободны шесть смежных комнат, предназначенных для та-

ких больших компаний. Комнаты добротные, я их сдаю по четыре мирта за каждую, но с вас, господа, ничем не возьму больше дюжины за все сразу. По рукам?

– Вполне. – Трэнларт рассыпал на столе пригоршню сверкающих монет; чуть помедлив, он добавил к ним еще одну. – А за мирт сверху нам понадобится другая комната, ярусом выше и меньшая.

– Странно, конечно, но дело ваше, найдем и такую.

На том и условились. Оставив пожитки в «Водовороте», Хальдрик и Биндур направились по главной дороге к стенам Авагдара. Там, в палатах монетодержцев, им предстояло заполучить указ, благодаря которому Почетные Стражи могли бы свободно торговать на площади. И хотя поручительство от самого Хидрота Айнаса имело серьезный вес по всему Алограту, разрешение друзьям выдали далеко не сразу. Потому обратно они, изрядно раздосадованные, возвращались уже в сумерках. Очутившись в таверне, барда они там не обнаружили, а Фарьяд только руками разводил на вопросы.

– И самому интересно, куда он запропал. Помог, значит, порядок навести, а затем прибил к одним гулякам. Уж не знаю, чего он им там наплел, но гомон за столами стоял жуткий, и от всеобщего хохота – вот не вру! – стены ходуном ходили. Был он, в общем, душой компании, но вот ближе к вечеру стал сам не свой. Сидел себе, значит, спокойно у камина, а тут вдруг за голову схватился, побродил туда-сюда с безумным видом, а потом и вовсе наружу выбежал, даже

накидку свою позабыл! Свечи уж на порядок короче стали, а его все нет.

– Стало быть, дела у него оказались важнее, чем он думал, – трэнларт снисходительно улыбнулся. – Но если Кронт все же надумает объявиться, передай ему, хозяин, что интереса я не потерял.

Предводитель стражей, заслышав об исчезновении барда, безрадостно хмыкнул и покачал головой. Следуя за Хальдриком, он прошел к лестнице на второй ярус, возле которой оба и замерли.

– Судя по всему, ты не откажешься от своей идеи. Но разве такой риск оправдан? – негромко спросил Биндур.

– Думаешь, я могу сейчас дать ответ? – вздохнул Хальдрик. – Только время покажет, много ли пользы станется с моей выдумки. Согласен, это и впрямь довольно опасно, зато отведет от нас лишние подозрения. Да и комната наверху подходит как нельзя лучше... Нет, Биндур, я все же рискну. Доброй ночи вам всем.

Биндур молча кивнул и направился дальше, следуя по узкому коридору. Спустя долгие дни ожиданий он наконец-то ступил на родную стезю, и отныне знал наверняка – Клинкам более не скрывать от возмездия! Самая мысль об этом согревала душу и придавала сил. Разумеется, придется изрядно повозиться, прежде чем логово убийц будет найдено, но Биндура не пугала рутина предстоящих дней: давненько ему не случалось участвовать в столь серьезных делах, а на

пути к отпущению претерпеть можно многое.

Хальдрика, взбиравшегося по ступеням, одолевали мысли иного рода – для него это задание стало долгом перед отцом и всем королевством в придачу. Достойный сын достойного лорда, он не мог допустить провала, ибо ему предстояло наследовать беспокойные восточные земли.

Тот день, когда пять разрозненных владений на востоке сплотились под единым стягом, запомнился многим. То был триумф Хидрота – человека прозорливого ума и неукротимой воли, что сломил горделивое упрямство пяти семейств. Его назначили лордом воссоединенных земель и Нарекли Айносом, «Непреклонным».

Вспомнив об отце, юный трэнларт припомнил и последние его слова перед разлукой:

«Сознаешь ли ты, Хальдрик, всю трудность предстоящего пути? Да, теперь нам известно, что Крылатые Клинки выбрали Рандар своим прибежищем, но и только. Все прочее тебе предстоит выяснить самому. Почетные Стражи приняли свои клятвы и ожидают тебя, готовые к отплытию. Они станут надежной защитой и опорой, покуда с поисками, так или иначе, не будет покончено. Нет нужды скрывать, сколь велики мои сомнения: я возлагаю труднейшее бремя на родную кровь, когда королевские известники готовы отдать жизнь за один только намек на верный след. Но пришел черед вновь проявить себя, и что важнее – ты сам жаждешь этого. Не стану желать тебе удачи, с легкостью приходящей и убывающей,

но пожелаю терпения и сил, ибо они – вернейшие союзники в трудный час. Таково мое напутствие, сын мой. Прощай!»

Комнатушка оказалась ровно такой, чтобы в ней свободно разместился один человек. Кровать, письменный стол, кресло да небольшой шкаф в углу – вот и все ее убранство; довершало картину просторное окно, странно большое для столь малого помещения. Пребывая в смутном ожидании, Хальдрик распахнул ставни, зажег несколько свечей и, уж в который раз, склонился над картой Рандалира, изученной вдоль и поперек. Время тянулось неспешно, все больше звезд вспыхивало в ночной синеве, а Кронт так и не показался в таверне. Остатки терпения, уцелевшие после долгих препираний в Авагдаре, покинули трэнларта окончательно и уступили место сну.

* * *

Хальдрик протер сонные глаза. С минуту назад он услышал чей-то вскрик, однако не был уверен, что тот не привиделся ему во сне. Поборов усталость, Хальдрик приподнялся на локтях и наострил слух. За окном тихо щебетали ночные птицы, издали доносился шум прибоя... Как вдруг таверну заполонил топот множества сапог, сопровождаемый лязгом стали и громким шепотом. Трэнларт мигом вскочил с постели, схватил свои верные глевдрии и застыл у двери. Помедлив мгновение, он слегка отворил ее и прильнул гла-

зом к образовавшейся щели. От увиденной картины сердце его рухнуло.

В «Водоворот» хлынула толпа вооруженных людей, и темный этот поток лишь прибывал. Четверо из них уже вломились в верхние комнаты с кинжалами наголо. Остальные налетчики, судя по грозным воззваниям, встретили ожесточенное сопротивление Почетных Стражей. Трэнарт отступил от двери, судорожно вздохнул несколько раз, собираясь с силами, шагнул вперед... и замер.

«Если я выйду к ним сейчас, то погибну зазря!»

Будто подтверждая его мысли, снизу донесся чей-то крик боли, за которым громыхнул яростный рев Биндура. Стиснув зубы до слез, Хальдрик щелкнул дверным замком. Наскоро одевшись и прихватив походную суму, он выбрался наружу через окно, едва устояв на покато́й крыше. До земли было далеко, но выбирать не приходилось. Разжав пальцы, он заскользил вниз, пока не уперся ногами в хлипкий водосток, а затем прыгнул. Благо почва оказалась мягкой, и Хальдрик, отделавшись легкими ушибами, опрометью бросился к единственной своей надежде – лесной опушке.

* * *

– Смотри-ка, один все же сумел выбраться. Бедняга, он еще надеется спастись, – шепнула тень за деревом, потянувшись рукой к бедру.

– И верно, в ловкости ему не откажешь! А я было подумал, что мы напрасно выжидаем здесь, – последовал ответ чуть правее.

В крошечной темени шелестнула тетива, и легкий скрип вторил ей.

– погоди! Разве мы не должны убедиться лично? Так будет...

– оставь. Сегодня на кону слишком многое. Мы не можем покинуть свое место, кроме этого будут пытаться и другие. Знаешь, *что нам грозит*, если кого упустим?

– Не хуже твоего, да только мы здесь не одни. Стрела в спину – смерть горькая и постыдная, а их участь и без того незавидна. Не сомневайся, я исполню свой долг, лишь загляну ему в глаза напоследок.

– Любому другому я приказал бы остаться, – промолвила тень, опустив лук. – Но ты из числа немногих, кому доверили Лик Кавиады. Поступай как знаешь.

Человек кивнул, сбросил плащ, а затем быстро и бесшумно последовал за беглецом.

* * *

Хальдрик домчался до густого подлеска и наконец остановился. В тщетных усилиях перевести дыхание, он прислонился спиной к раскидистому буку, держа оружие наготове. Сердце его отбивало бешеный ритм, но оно едва не замерло,

когда прямо над головой трэнларта раздался леденящий душу шепот:

– Далеко ли собрался?

Хальдрик резко отпрянул от ствола и обернулся. Едва привыкшие к темноте глаза успели заметить, как чей-то силуэт метнулся влево, оказавшись по ту сторону дерева.

– Я оставлю выбор за тобой: мы могли бы пробежаться еще немного, или ты готов принять свою смерть прямо здесь? – с толикой насмешки спросил приглушенный голос.

Трэнларт вмиг преисполнился ярости, и вскипевшая кровь наполнила руки силой.

«Рано радуешься, мерзавец! Быть может, я в окружении, и не уйти мне из леса живым, да только тебя я заберу с собой!»

Крепче стиснув короткие древки, Хальдрик, нарочито громко дыша, быстрым рывком обогнул широкий ствол и рубанул глевдриями наугад. Листовидные лезвия глубоко впились в древесную кору, едва не пронзив плечо убийцы. Но тот, если и был удивлен внезапной атакой, ничуть не смутился, тогда как сам ответил молниеносно: извернувшись, преследователь с силой пнул Хальдрика в живот, отчего трэнларт невольно согнулся. Проскользнув своей жертве за спину, убийца отступил на десяток шагов.

– Значит, ты не из тех, кто побежит от битвы? Ну что ж, храбрец, сразимся! Ты достоин уважения и смерти в честном бою. А, быть может, даже спасения? Поднимайся, и мы вместе это выясним.

Превозмогая боль, Хальдрик выпрямился во весь рост и приготовился к схватке. Издевка противника становилась все более очевидной: уже дважды он сохранил трэнларту жизнь, когда мог бы с легкостью отнять ее. Но если убийца и впрямь намеревался устроить поединок, Хальдрику это было только на руку; что бы он ни задумал, длина глевдрий позволит держать врага на расстоянии. Убийца меж тем стоял в ожидании, спрятав руки за спину и слегка наклонившись вперед. Волей-неволей трэнларту пришлось нападать первым.

Смерть этого человека навсегда отпечаталась в памяти Хальдрика: то был не первый, кто пал от его руки, но первый из тех, чья гибель стала неминуемой.

Глава четвертая

Покинутый

Хальдрик медленно приходил в сознание, часто моргая. Он лежал на дне неглубокого оврага, густо поросшего многоцветным бурьяном; жесткие шипы на толстых стеблях мерзко впивались в лицо, а правая рука будто онемела, отказываясь повиноваться. Вскоре зыбкая мгла в голове трэнларта начала проясняться, и на ее месте грянула буря недавних событий. Охваченный дурными мыслями, Хальдрик резко дернулся, намереваясь подняться. В тот же миг его левый бок,

горячий и мокрый, пронзила жуткая боль. С тихим рычанием трэнларт опустился на землю и обмяк, шумно вдыхая дурманящий травяной дух.

«Час от часу не легче! Стоило мне разминуться со смертью, как встретилась та за углом? Ну, как бы не так! Я должен подняться! Должен. Должен...»

Хальдрик устало вздохнул и прикрыл глаза. Он не чувствовал правды в собственных мыслях.

«Как же я попал сюда? Покончив с убийцей, я тотчас поспешил вглубь чащи... где, стало быть, и провалился в лесной капкан. Да-а-а... престранно же решился наш поединок! Мне доводилось встречать отважных рубак, чьи лица бледнели под натиском глевдрий, но этот... Выходит, мои навыки не стоили и части его мастерства, а ведь я всерьез гордился успехами на боевом поприще. Впрочем, сейчас убийца лежит, бездыханный, и не гордыня ли тому виной?.. – Недавняя рана напомнила о себе, заставив скривиться. – Ух, да что там такое! Надо хотя бы взглянуть».

На боку красовался неширокий, но весьма глубокий рубец, уже заросший коркой запекшейся крови. Такая рана едва ли грозила жизни, однако вид собственного увечья и кровоподтеки на теле ужаснули трэнларта: никогда прежде его не ранили столь серьезно, а если подобное и случалось, помощь не заставляла себя ждать. Теперь же он остался совсем один, плененный ночной теменью и снедаемый скорбью о павших друзьях.

«Как же быть? Разве смогу я, уставший и покалеченный, отыскать путь сквозь дремучие гряды лесного царства? Нет, Айнос, оставь худые мысли! Сдаваться нельзя, а потому и выбор невелик: или я поднимусь с земли, во что бы то ни стало, или овраг станет мне погребальной ложей, на радость убийцам».

Собрав всю волю в единый порыв, Хальдрик попытался встать снова, на сей раз двигаясь осторожнее. Приподнявшись с живота на локтях, он оперся всем телом на окрепшую правую руку, а левой потянулся к примеченному бугристому корню, пробившему свой путь сквозь рыхлый земляной склон. Крепко ухватившись за корень, трэнларт начал робко подтягиваться вверх, пока не оказался на коленях. Но хотя бережные движения и ослабили боль, потревоженная рана стала кровоточить. Тогда Хальдрик отрезал от одежды несколько длинных лоскутов и перевязал рубец как сумел. Мягкая ткань тут же окрасилась багрянцем, а удобный ранее костюм стал более напоминать лохмотья. Усмирив отток крови, Хальдрик медленно поднялся на ноги. Вскоре усердию трэнларта поддался и овраг, благо его склоны не хва­стали особой крутизной. Хму­ро взглянув на свое невольное лежбище, юный Айнос бездумно побрел вперед, опасаясь, как бы отчаяние не завладело его мыслями целиком.

Кто знает, сколько шагов он оставил за спиной, спотыкаясь несметное число раз, прежде чем уловил звонкий голос ручья. Мучимый жаждой, Хальдрик заспешил на чудный

звук. Краткие поиски достигли своего, и трэнларт припал пересохшими губами к стылому потоку. Вволю напившись, он наспех умылся, вздрагивая от жгучих касаний ледяной воды, однако рану так и оставил нетронутой. Земляничные россыпи неподалеку слегка притупили голод, и обессиленный Хальдрик остался лежать подле низких ягодных кустов. Веки усталого путника клонились все ниже, грядущий сон так и манил забыться в своих мягких объятиях... Тряхнув головой, Хальдрик сумел отогнать дремоту. В поисках хоть какого-нибудь убежища, его блуждающий взгляд замер на ближайшем холме. Недолго думая, юноша решил затаиться там.

Холм, на поверку, тянулся много выше, чем того хотелось бы трэнларту, и пока он покорял каменистое взгорье, остатки сил едва не подвели его. Когда Хальдрик все же одолел подъем, перед ним выросла стена почти отвесных голых скал; по их отрогам журчал озорной родник, беря свое начало в глубинных недрах земли. Но вот правее неприступных вершин темнели очертания густых еловых порослей. В изнеможении, трэнларт направился к ним.

Как ни странно, за пушистыми ветвями лежала вытоптанная поляна. На самом ее краю теснилась прежалкого вида хибара, чей силуэт окутывал утренний полумрак. Слишком уставший, чтобы удивляться или думать об опасности, Хальдрик доплелся до жилища, отворил то, что должно было служить дверью, и рухнул на грубую кровать перед собой.

* * *

– Что ты забыл в моей обители, арталах? – сухо, но вполне громко произнес голос.

Хальдрик, с трудом разлепив глаза, повернул голову на звук. На него с интересом глазел безбородый старик, обрамленный редкими прядями бесцветных волос. Его костлявые ладони крепко сжимали наверху сучковатого посоха, а уже на них покоилась морщинистая голова. Впалые глаза внимательно следили за каждым движением непрошеного гостя.

– Здравствуй, старец, – откликнулся Хальдрик, запинаясь спросонок. – Я и не знал, что это твой дом – просто заплутал ночью в лесу, когда случайно наткнулся на хижину. Я вовсе не прочь оставить тебя в одиночестве, если ты того пожелаешь, вот только изможден дорогой, ранен и голоден. Не сочтешь ли за труд приютить меня ненадолго? И вот еще что... Прости мою сонливость, но отчего вокруг такая темень? Разве солнце еще не взошло?

– Небесный лик уже садится, – отозвался отшельник, широко зевая. – Приютить тебя, значит? Гмм... Давай-ка, для начала, разделим ужин. За ним ты мне и расскажешь, как здесь очутился, да без утайки! Тогда и поглядим, как с тобой поступить.

Старик развернулся к шаткому пыльному столу, подтянул к себе глиняный горшок и разлил в две треснутые миски хо-

лодную похлебку. Поблагодарив хозяина, Хальдрик с жадностью принялся за еду. Но хотя трэнларт и был жутко голоден, скромный ужин едва не встал ему поперек горла: это было варево из каких-то кореньев, грибов и, к немалому его удивлению, даже кусочков мяса. Если говорить о вкусе, то похлебка являла собой нечто среднее, между супом, приготовленным знатной дамой, не державшей в руках кухонного ножа, и совсем уж несъедобной гадостью, отведать которую было бы в равной мере и отважно, и глупо. Но желудок всю распевал хвалебные песни скудной пище, и Хальдрик, насытившись, поведал хозяину хибары о ночном нападении на таверну.

– Ах, что ты говоришь! – прокряхтел старик. – Я хоть и нечасто выхожу к людям, но за долгие мои седые годы, одному лишь Рандару известные, о таком даже слыхивать не случилось! Горе, и впрямь страшное горе... Но здесь, дружок, тебе бытовать не к чести.

– Что? – только и сумел выдохнуть Хальдрик.

– Всего-то юноша, а уже на ухо туговат? Нечего тебе здесь делать. Лачуга моя и без того тесна, вдвоем в ней попросту не ужиться. Тебя же, поминая сказанное, до сих пор искать могут. Как видишь, гостя мне и одного многовато, так что собирайся в путь-дорогу, да поживей.

– Как... Как ты мог сказать подобное? Неужто ты не видишь, в каком я отчаянии?!

– Отвык я малость с другими возиться, уж извини мою

грубость! – недовольно пробурчал отшельник. – Не подумай, будто я бессердечный какой, мне взаправду жаль тебя... Но скрывать себе во вред не стану, не суди. Если хочешь, я покажу тропу до города, которой сам изредка, да топчусь.

– Я отдам все серебро, какое имеется! Могу помочь с любой работой, в какой нуждаешься, просто позволь...

– Уходи! Оставь меня в покое. От тебя мне ничего не нужно.

Хальдрик понуро опустил голову, осторожно поднялся с кровати и побрел к выходу. Не сделав и пяти шагов, он вдруг замер в проеме, медленно обернулся, а затем, изменившись в лице, тихо и свирепо проговорил:

– А что, если я не уйду, старик? Что, если прогоню тебя вон, а то и вовсе убью? Уж тогда-то я смогу остаться?!

В одно мгновение дряхлый отшельник возник перед трэнлартом, внезапно возвысившись и нависнув над его головой. Глаза старика сверкали потаенным пламенем, и неземной глас, глубокий и ясный, прогремел на всю округу:

– *Не смей угрожать мне, мальчишка, с моей силой не совладать! А теперь убирайся, покуда цел!*

Вне себя от ужаса, Хальдрик помчался прочь, не разбирая дороги. Выбери он свой прежний путь – и смерть настигла бы его на краю обрыва; по счастью, ноги понесли его в другую сторону.

Многие десятки шагов оставил трэнларт за спиной, и лишь тогда остановился, сбросив с себя оковы наваждения.

Жуткую боль от стремительного бега не сдерживал более пережитый страх, и Хальдрик невольно скривился. Рубец вновь стал кровоточить, а значит идти придется медленней обычного, и ведь неизвестно сколько!

«Что за кошмар преследует меня?! Эратхан, налет на таверну, бой насмерть, а теперь еще и этот... старик, кем бы он ни был. Да сколько можно!»

Оглядевшись, трэнларт сумел отыскать тропу, едва различимую в темноте, – как раз по ней он и бежал.

«Ну, хоть в чем-то повезло, иначе корни и ветви давно бы уняли меня. Вот только куда ты ведешь, тропа, в город ли? Похоже, придется тебе довериться. Эх, снова темень, снова я ранен и одинок, но уж теперь, во всяком случае, знаю дорогу. В путь, немедля!»

Идти, а то и ковылять Хальдрику пришлось никак не меньше часа. Со временем лес расступился, открыв путнику усыпанный звездами небосвод; далекий их свет в тот миг мнился ему далеким и безжизненным. Тропа начала спускаться вниз, становясь все сложнее, петляя меж валунов и кустарников, а затем повернула на юг и внезапно окончилась, уступив место нескольким исхоженным дорогам. По одной из таких Хальдрик, едва держась на ногах, и вышел к большому бревенчатому дому; в двух его окнах все еще мерцал свет. Дом стоял в уединении, и трэнларт, без лишних раздумий, постучал в дверь. Ответ не заставил себя ждать.

– Кто там еще? – раздался басовитый голос изнутри, и

вскоре перед путником возникла широкоплечая фигура.

– Прошу... Помогите... – Только и сумел выдавить из себя Хальдрик. Весь мир вокруг начал терять очертания, просто устоять на месте вдруг оказалось трудом не из легких.

– Ох, и угораздило же тебя! – ответ донесся будто издалека. – Проходи скорей!

Трэнларт двинулся на голос, но, споткнувшись о порог, упал ничком, уже не в силах подняться.

* * *

Хальдрик медленно открывал глаза. Далеко не сразу ему удалось понять, что лежит он в чистой постели, обложенный плотными подушками, а вместо изорванного костюма одет теперь в простые штаны и рубаху. Рубец на боку оказался умело перевязан чистой тканью и болел уже значительно меньше. Вот только на смену боли пришла глубокая слабость: каждая мышца Хальдрика налилась свинцовой тяжестью, отказываясь повиноваться. Семижды трэнларт пытался подняться, но, в конце концов, оставил эту затею и прикрыл глаза рукой, надеясь забыться на время; однако сон не пожелал навестить его. Тогда Хальдрик твердо вознамерился дожидаться кого-либо из хозяев дома. Ход времени оказался томительным, и трэнларт уже начал было дремать, когда в коридоре послышались чьи-то легкие шаги.

В комнату вошла невысокая, но грациозная женщина с

длинными русыми волосами, держа в руках деревянный поднос. Вид у нее был печальный и обеспокоенный, но встретившись взглядом с Хальдриком, она улыбнулась, стерев морщинки с бледного лица.

– Здравствуй. Надеюсь, ты хорошо спал? Здесь постель довольно жесткая, но я постаралась разместить тебя поудобнее. Как ты себя чувствуешь? – участливо спросила женщина.

– Здравствуй, илантис, – склонил голову трэнларт. – Благодарю тебя за заботу, о лучшем сне я не мог и мечтать! Сейчас мне много лучше, и лишь усталость продолжает давить тяжким бременем. Позволь же узнать имена моих спасителей!

– А ты учтив, юноша, – заметила хозяйка и улыбнулась чуть шире. – Я – Эдра, а моего мужа, встретившего тебя вчера, зовут Гольмут. Он добрый человек, и потому не тревожься – ты сможешь гостить в нашем доме до тех пор, пока не окрепнешь как следует. Горячий бульон и хлеб тебе в этом помогут, ведь ты, наверное, голоден? Ну вот, теперь отдыхай, не буду мучить тебя расспросами. Правда, кое-что придется сказать прямо сейчас...

Лицо Эдры посуровело, а улыбка вмиг сошла с губ. Хальдрик невольно напрягся.

– Много же крови ты потерял, пока искал себе помощи, но откуда взяться такой ране? Сомневаюсь, что ты наткнулся на острый сук, да и хищных зверей в нашей округе не водит-

ся. Когда я тебя увидела, вся твоя одежда была перепачкана кровью, но вот шею и плечи будто бы окатили красным из ведра! И потому я спрошу тебя прямо, незнакомец: ты кого-то убил?

– Не стану лгать тебе, добрая хозяйка, я убил человека, – глухо произнес Хальдрик, не отводя глаз. – Но на меня напали первым, и я... я не преступник, илантис, поверь, просто сейчас мне тяжело говорить о случившемся. Дай мне немного времени, а позже я обо всем вам поведаю.

– Так и быть, – холодно ответила Эдра. – Надеюсь, у тебя были веские причины для подобного. Отдыхай. Если что-то понадобится, можешь позвать меня, я буду в комнате напротив.

Хозяйка удалилась, и Хальдрик, подкрепившись, оказался наедине с собственными мыслями; такими, что на душе становилось пасмурно, пусть в распахнутое окно и светило яркое солнце. Опутанный тревожными думами и легкой дремотой, трэнларт немало удивился выросшей вдруг тени на лице – то вернулся из леса хозяин дома. Как выяснилось в разговоре, Гольмут вместе с сыновьями уходил на охотничий промысел. По его собственным словам, именно охота приносила семье хороший достаток: богатые дичью уголья обнаружил еще дед Гольмута, Гимбрад, а сам Гольмут получил их в наследство от своего отца. В умелых руках охотника спорилось и столярное ремесло, но отчего-то спрос на его резное дерево завсегда был невелик. Минута за минутой, нетороп-

ливая беседа подходила к концу, увлекая за собой последние краски солнечного дня. Когда же комнату озарила закатная полоса света, Гольмут отправился вниз, пожелав Хальдрику хорошенько выспаться.

Несколько следующих дней Хальдрик провел в семье охотника. Очувтившись наконец в безопасности, он в полной мере ощутил, насколько же разбит, раздавлен своим положением. Его тягучие мысли отныне безудержно обращались к будущему, но прозревали лишь все новые трудности. Так, «Величие», облаченное в новые паруса, уже должно было вернуться к пристани, а Даварт – отправиться к назначенному месту. Верный слову, что он предпримет, посчитав Хальдрика мертвым? Доказать обратное будет непросто, ведь о скорой встрече с капитаном нечего было и думать... Кроме того, как теперь отыскать «тайного союзника»? Запросить помощи у отца? Прожить следующий месяц, в конце концов? И чем дольше Хальдрик размышлял о грядущем, тем охотнее возвращался к прежним своим надеждам, сгоревшим в пламени роковой ночи.

«Биндур, бедный мой друг, где же ошиблись мы с тобой? Почему все наши замыслы обратились в прах? Кому вообще достало дерзости на столь явный разбой, Крылатым Клинкам?! Быть может, эти убийцы и прознали о нашем задании, но не в их правилах действовать столь открыто, пусть даже в собственном логове! Да только кто, как не они? Эх, что и гадать сейчас... И пусть я знал, на что иду, и не испытывал со-

мнений, шагать придется одному, покуда ноги не немеют...»

Пребывая в мыслях о потерянном, юный трэнларт оказался в одном шаге от омута печали, в который и погрузился бы с головой...

Но он не шагнул.

Простившись с верными стражами и друзьями, Хальдрик, дабы занять беспокойный разум, решил создать себе легенду, которую и собирался рассказать взамен правды; на ее воплощение он потратил остаток второго дня.

Следующим утром слабость отступила, и Хальдрик, под чутким надзором Эдры, размял затекшие мышцы, прогулявшись по окрестностям. А когда время подошло к ужину, трэнларт примкнул к дружному семейству за столом, скорее опасаясь, нежели радуясь.

* * *

Запивая медовым пивом ломоть жареной оленины, Хальдрик не без волнения услышал вопрос, к которому так тщательно готовился:

– Ну что ж, Леодрас, – размеренно начал Гольмут, проглотив картофелину, – мы рады, что силы возвращаются к тебе, и наша помощь не проходит даром. Три дня минуло с тех пор, как я встретил тебя, изможденного и грязного, на пороге. Но, стараниями Эдры, тебя теперь не узнать, будто другой человек на твое место явился! А раз так, незнакомец, не

поделишься ли, кто ты такой, и что с тобой приключилось?

– В самом деле, – согласился трэнларт, – негоже оставлять хозяев без ответа. Гостеприимство дома успокоило мои мысли, и я как следует вспомнил недавние злоключения. С чего бы начать? Мое имя вам уже известно, Леодрас. *Леодрас Майст...*

На краткий миг у Хальдрика перехватило дыхание. Комната разом потемнела, на месте стола возникло смутное очертание костровища. В ушах раздался тихий щелчок – и нутро трэнларта обдало замогильным холодом. Видение исчезло быстрее, чем юноша успел бы моргнуть.

– ...Если угодно, – выдохнул Хальдрик.

Хозяева дома не заметили перемены в голосе, но смотрели на трэнларта с изумлением. Еще бы: не каждый день доведется встретить одного из Нареченных Славным Именем! И хотя Хальдрик всерьез рисковал, называясь чужим Именем, он был уверен, что ни Гольмут, ни Эдра не могут знать о всех шестнадцати Нареченных, живущих ныне среди людей Стигайта.

– Быть может, вам приходилось слышать обо мне и раньше, но я могу пояснить. Майст, одно из сорока двух Имен, означает «Щедрые Руки». Мой покойный отец, Руйвир Майст, посвятил свою жизнь накоплению целого состояния, пока не осознал однажды, что тратить богатства на одну лишь семью – недостойная стезя, пусть те и были нажиты многолетним трудом. Забросив множество дел, он не толь-

ко снарядил Одаряющий Поход, но также лично возглавил его, пригласив и меня в свое путешествие. Так мы исколесили добрую половину Алоргата, и немногих обошла стороной наша помощь. Незадолго до своей смерти Руйвир был Наречен нашим королем, Эрुзмелом. Годом позже и я удостоился Славного Имени, продолжив светлое начинание отца, хотя матушке и сестрам это пришлось не по нраву. И вот, я, в сопровождении своих друзей-купцов, решил навестить Рандар, столько о нем водилось слухов!

Солнце клонилось к горизонту, когда наше судно благополучно достигло острова. Прибрежная таверна встретила нас радушием, и мы уже вкусили эрфиль-другой, собравшись было хорошенько отдохнуть... Как вдруг к нам ворвался человек, равно потрепанный и жизнью, и одеждами. Оборванец с заплаканными глазами взывал о помощи: гуляя с детьми по лесу, он упустил их из вида, когда те, заметив зверушку, побежали вслед за ней в чащу. Безутешный отец долго звал детей и метался по округе, пока не стемнело; теперь же он, отчаявшись, умолял всех великодушных отправиться с ним на поиски. Я был поражен, сколь хмуро и недоверчиво смотрели на бедолагу обитатели таверны, списав все на отвращение к человеку. Дорого же обошлась мне эта ошибка!

Я вскочил с места, и мои спутники последовали за мной. В спину нам что-то кричали, но мы были уже за порогом. Как мог я не заметить обмана, ведь при себе у незнакомца оказались даже факелы и огниво! Мы быстро направились в

лес и разбрелись. Человек, назвавшийся Госмарем, шел впереди и направлял нас. Быть бы нам настороже, но нас было шестнадцать, все при оружии и страстном порыве, а несчастный родитель говорил вполне искренне. Вдруг мы услышали детский плач, и Госмарь побежал вперед, крича: «Дети, дети мои! Что с вами?» Лишь тогда мы остановились, почуяв, наконец, подвох...

Хальдрик осекся и ощутил тугой ком, упрямо засевший в горле. Потребовалась полная кружка пива, дабы протолкнуть его вниз, но и после этого на душе не стало спокойнее.

– Поздно, слишком поздно: троих моих спутников, стоявших впереди, убили из засады, а затем незримые тени напали и на нас. Завязалась жестокая схватка, и в темноте мне виднелось лишь мельтешение факелов, что неумолимо гасли под натиском убийц. Я схватился с одним из разбойников. Мне удалось быстро сразить его, однако он оставил мне рану. Я хотел было бежать прочь, но оступился и упал в овраг. Очнувшись утром, я выбрался наверх, не обнаружив вокруг ни единого тела, – только следы крови на земле выдавали недавнюю бойню. Не зная обратного пути, я побрел наугад. Долгие часы блуждал я по лесной чаще, покуда ноги не привели меня к одинокому ручью. Напившись, я прилег отдохнуть, а когда проснулся, время было уже к закату. Спустившись по ручью с холма, мне пришлось поплутать еще немного, благо одна из дорог привела меня к вашему дому. Такая моя история. Надеюсь, теперь вы понимаете, почему я не

смог рассказать обо всем сразу.

Безмятежное лицо Эдры омрачилось глазами, полными слез, а испуганные дети притихли, перешептываясь о чем-то своем. Гольмут же, слушая историю, все больше хмурился, и с последними словами гостя строго спросил:

– Страшную и печальную историю вы нам поведали, Леодрас Майст. Одного я никак в толк не возьму, откуда в нашем лесу разбойникам взяться? Лично я по своим угодыям не один ривдан перемерил, и если бы кто обитал здесь, поблизости, от меня бы это не скрылось.

«Неужто сорвалось? – мелькнуло в голове у трэнларта. – Нет, раз не решился на правду, то хоть во лжи пойду до конца!»

– Про то вам лучше знать, – угрюмо отозвался Хальдрик, – на Рандаре я впервые. Ах да, вот еще что! Спускаясь с холма, я приметил... грот в толще скалы. Внутри него плясали неяркие отсветы, будто бы костра, и...

– Достаточно, – перебил его Гольмут. – Простите мою настойчивость, но я должен был убедиться, что вы не лжете. Сам я не единожды видал ту пещеру: местечко укромное, неприметное, для разбойников – лучше не придумаешь. Взглянуть на нее поближе мне так и не случилось, да оно, видно и к лучшему. Придется теперь обходить старые тропы, а ведь третьего дня в тех местах оленей выслеживал... Ну, ничего. Зато хоть ясно теперь, отчего это Рагимт на меня наговаривал!

Недолгое молчание вновь оборвал глава семейства.

– Послушай, Леодрас... Если ты вдруг не знаешь, как теперь поступить, можешь пока остаться у нас, в моем доме лишних рук не бывает. А мы за работу в долгу не останемся, даю тебе слово! Так, глядишь, через месяц-другой и подкопишь серебра на обратный путь. Что думаешь?

Трэнларт не удивился предложению охотника, его смутило другое – собственные сомнения. Обуреваемый вмиг воспрявшей гордостью и нещадным стыдом, он подумал было согласиться на подобное! Да и не заманчиво ли смириться с внезапным поражением, затаиться на время, а после вернуться домой? Отец, конечно же, поймет неудачу, и тогда... Мысли-смутьяны исчезли так же стремительно, как и появились. Осталась от них, правда, жгучая горечь мимолетной трусости.

– Благодарю за помощь, игундис, – ответил Хальдрик, – но в таверне, должно быть, сохранилось кое-что из наших товаров и сбережений. Когда я смогу добраться до них, то не забуду вас, и сполна отплачу за оказанное радушие.

– Боюсь, все твои вещи пропали, Леодрас, – покачала головой Эдра. – Накануне твоего появления случилось страшное – «Водоворот» был сожжен неизвестными мерзавцами. До сих пор в это не верится, ведь таверну возвели раньше самого Авагдара! Я, конечно, только слышала о ней, но всегда считала чем-то важным, чем-то первозданным для острова. Рандар без нее как будто опустел...

Печальное известие вызвало в трэнларте лишь негодование.

«Стало быть, ночной разбой окончился поджогом. Все наше имущество, в лучшем случае, завалено обломками, в худшем – сгорело дотла или было похищено. Проклятье! Наверяд ли я смог бы вернуться за вещами, но и легче от этого не становится».

– Воистину, скверные дела! И все же, достойные хозяева, я оставлю ваш гостеприимный дом и направлюсь к Авагдару – думается, там живет человек, что поможет мне наверняка. И чем скорее я отыщу его, тем лучше. Искренне надеюсь, что смогу навестить вас позже.

* * *

С первыми лучами солнца, пронзившими кроны деревьев, Хальдрик стоял на пороге. Долгую походную суму, брошенную через плечо, приятно тяжелила еда на несколько дней вперед. Гольмут и Эдра смотрели на трэнларта с легкой тревогой, а он все никак не решался ступить за дверь. К удивлению Хальдрика, хозяйка вдруг протянула ему аккуратно свернутый плащ. Не веря собственным глазам, трэнларт узнал в нем свой прежний, хотя был уверен, что после пройденных испытаний накидка останется испорченной раз и навсегда.

– Я решила почистить и подштопать твой плащ, раз ты

намерен уходить, – негромко произнесла Эдра. – Пришлось с ним изрядно повозиться, зато теперь он выглядит сносно и еще послужит тебе.

Хальдрик благодарно принял плащ и развернул его. И хотя тот стал несколько короче, а местами был сильно потерт, лучшей работы над ним нельзя было и представить. Вслед за хозяйкой к трэнларту шагнул Гольмут. Вместе с крепким рукопожатием он оставил в ладони Хальдрика нечто твердое.

– А этот амулет – мой подарок тебе. Первая моя работа, знаешь ли. Я вырезал его с десятков лет тому назад, и отчего-то решил не расставаться с ним на день. Странное дело, но за прошедшие годы мне не раз довелось убедиться, как беды да напасти сторонятся моего дома. Посуди сам: дети растут здоровыми и проворными, зверь на охоте так и норovit попасть в руки, а силы не покидают меня по сей день. Наверное, амулет здесь и не при чем, но все же прими его. Ведь если моя безделушка и впрямь приносит удачу, тебе она сейчас много нужней.

Трэнларт раскрыл ладонь и увидел деревянную фигурку птицы, к чьей спинке был приделан тонкий плетеный шнурок. В маленькой птичке легко угадывался клест. Левое его крыло прижималось к груди, а правое взметалось вверх, но причудливо оканчивалось на середине так, что выглядело – случайно или намеренно – стесанным. Амулет был сработан просто, но с душой истинного умельца, и Хальдрику даже почудилось, будто он источает тепло изнутри. Спрятав пода-

рок под рубаху, трэнларт поклонился хозяевам дома. Чуть помедлив, он снял с пояса кошель.

– У меня осталось при себе немного серебра, так позвольте...

– Нет уж! – резко оборвал его Гольмут. – Нас нельзя называть богачами, Леодрас, но мы ведем безбедную жизнь, и за посильную помощь спрашивать с тебя не возьмемся. Во всяком случае, не сейчас: щедрость твоя понятна, но не след бросаться тем малым, что имеешь. Я уверен, в свое время ты отдашь нам должное, а пока ступай. И пусть судьба благоволит тебе.

Простившись с добрыми людьми, Хальдрик отправился к селению близ западных врат Авагдара. Но нет, то был уже не он – Хальдрик Айнос заплутал в чаще и сгинул, ибо на смену ему пришел Леодрас Майст. Едва ли кто на Рандаре знал о нем Истину, и смог бы узнать в лицо...

Но были на острове и такие.

Глоссарий

Алорга́т – королевство людей, занимающее весь северо-восток континента. Рандáр (как и окружающие его островки), будучи обособленным, также является частью Алоргата.

Арта́лах – "заблудший". Древнее слово, каким называют заблудившихся, запутавшихся людей, во всех возможных смыслах и трактовках.

Ила́нтис, игу́ндис – "хозяйка", "хранитель очага" соответственно. Давнее обращение к хозяевам дома.

Рандали́р – так именуется населенная часть Рандара. Включает в себя Авагдар, единственный город острова, и его предместья.

Рандарь – житель Рандара, принадлежащий к роду первых поселенцев острова.

Славные Имена – список, состоящий из 42 древних титулов, 9 из которых никогда не использовались. Славным Именем может быть Наречен любой, достойный своими деяниями одного из титулов.

Слияние Стихий – удивительное событие, происходящее повсеместно, но исключительно в середине лета и с наступлением сумерек. Если четыре стихии будут собраны вместе в надлежащем виде, то в назначенный час произойдет их слияние, сопровождаемое ярким празднеством. Случается лишь раз в 11 лет.

Трэнларт – уважительное обращение к представителям знатных семейств; младший титул.